

ПРОЛОГ

В ослепительно-белом трико

Обгорелые, подмороженные и весёлые, челябинские пацаны Толян и Колян вывалились на окраине Катманду из переполненного автобуса и пересели в нанятую по дешёвке раздолбанную легковушку более не узнаваемой марки. Доехали на ней до «Шерпа гест хауса» в Тамеле и сразу упали в сон – сил больше ни на что не хватило, даже на приём внутрь целебного сорокаградусного напитка, а точнее русской водки, оставленной как раз на благополучное возвращение. Утром приняли душ, разобрали хранившиеся в гостинице три недели, пока они лазали по горам, полиэтиленовые мешки, переоделись в чистое, позавтракали. И наконец, как следует осознали, что вернулись с крутейшего, и не менее, восхождения. Непальцы нарочно пишут в путеводителях, что Марди Химал – самый низкий и лёгкий из всех трекинговых пиков. А попробуй-ка залезь. Пройди 45-градусный кулуар с бьющими лавинами, а потом разговаривай! Самая нормальная гора. Трекинговая... Это натуральный клайминг. Пять с половиной тысяч – не гималайская высота? Ага, не гималайская. Вполне гималайская. А красотища! С одной стороны Аннапурна, с другой – Мачапучаре, и так, как с Марди Химал, их больше ниоткуда не увидишь.

Толян и Колян вдарили по водке прямо в номере, а потом, раздухарившись, взяли в гостиничной едальне по двести «Ваньки-пешехода». И полился разговор. Не будучи сильно начитанными, ребята, как ни странно, вспоминали в таких случаях Льва Николаича Толстого. Ну, типа там, что все счастливые семьи похожи друг на дружку, а все несчастливые не похожи. Казалось бы, причём тут классик? А притом, что друзья чудесным образом прикладывали запавшую в память цитату, пусть и слегка исковерканную, на собственную ситуацию. Сначала состязались в литературной компетентности:

– Что, не так у Толстого? – спрашивал Толян. Да ты «Войну и мир» почитай!

– А ты читал, да? – уточнял Колян. Ничего ты не читал, потому что это из «Анны Карениной».

И вообще не так.

В конце концов, приходили к выводу, что вспомнили Толстого уместно: в их горных странствиях серединка всегда была разной, а вот начало и конец одинаковыми – пацаны сначала накачивались, а потом пытались совершать подвиги. Они тоже становились одинаковыми, если поблизости находился доступный слабый пол. А вот если его не было или ребят посылали подальше – тут начиналась разница...

Ровно так случилось в начале поездки, когда Толян и Колян поняли, что местных барышень ловить бесполезно, а иностранки – либо ужасные на лицо и недобрые внутри феминистки, либо при своих мужиках. И друзей потянуло на культуру. Так получилось, что по пути сюда они обломались со знаменитым непальским праздником Дурга Пуджа, поскольку шёл его десятый, завершающий день и главные действия уже закончились. Да, пацаны увидели наряженных и радостных людей, пирушки прямо на улицах. Но только на словах узнали, что накануне в жертву богиням Дурга и Кали, что в общем-то одно и то же, приносились животные. Каждое из них символизировало определённый вид негативных эмоций: гнев, вожделение, робость, вялость, глупость. А жертвоприношение рассматривалось индуистами как путь их преодоления.

– Ну что, толково, – согласились Толян и Колян. – Зарубил козла и сразу стал умным и смелым. Гы.

Конечно, пацаны, выкроив время от сборов в путешествие, сходили на площадь Дурбар, к храму Таледжу, где и происходит жертвенный ритуал. Снова обогатились знаниями индуистской культуры, а вернее, совсем зашли в тупик: Таледжи оказалась ещё одной ипостасью Кали, или Дурги. Что за дела? Это вообще разные женщины или одна и та же?

Как пояснил всего за один доллар доморощенный экскурсовод, на самом деле всё просто. У бога Шивы единственная жена, но у неё много имён, и каждое из них отображает разную ипостась, то есть определённые божественные, а заодно и женские аспекты. Так вот: Кали – чёрная богиня, она олицетворяет тёмное, гневное, разрушительное начало. Но парадокс в том, что она же – богиня-мать, некая изначальная божественная сила. Дурга – воительница, сражающаяся с демонами, защитница богов. Ту и другую почитают в индуизме...

К сожалению, никаких действий Толян и Колян не увидели; застали только уборщиков, которые смывали кровь с камней да какую-то требуху – видно, не пригодившиеся части тех самых коз или кого ещё. Правда, в храме Маджу Девал узрел Колян нечто, заслуживающее внимания и полностью оправдывающее посещение площади.

– Гляди-гляди, да это...!

– Да не, что-то другое, – по обыкновению возразил Толян.

Друзья вновь обратились за разъяснением к «экскурсоводу». Тот подтвердил, что Колян прав – каменная штука и впрямь являет собой фаллос, или лингам, как называл его непалец. Он принадлежит Шиве, а из союза Шивы и Дурги рождается вселенское плодородие.

«О, как!» – приговаривали парни, слушая историю про уникальный памятник мужскому достоинству. А непалец заодно рассеял сожаления пацанов о пропущенном празднике. Он поведал, что в не слишком далеком городке Барияпур как раз в это время проходит национальный фестиваль Гадхимаи, который с лихвой восполнит несостоявшиеся впечатления от Дурги Пуджи. Судя по взмахам рук, подпрыгиваниям и придыханиям рассказчика, Колян и Толян поняли, что речь идёт о событии, явно достойном внимания. А когда «искусствовед» сообщил, что фестиваль Гадхимаи скоро собираются прикрыть совсем, решение созрело само собой: надо ехать.

Не откладывая замысел в долгий ящик, друзья в очередной раз раскошелились на легковушку, поскольку трястись в душном автобусе уже надоело в предыдущих переездах, и к вечеру оказались в Барияпуре. Кайф к этому времени выветрился, энтузиазм поостыл. Увидев на улицах городка довольно странные картины подготовки к празднику, Толян затосковал.

– Сколько голов приносится в жертву? Сто, тысяча?

– М-м-м, гораздо больше.

– А откуда так много народу?

– Это паломники из Индии – здесь ведь рядом граница. У них запрещены такие фестивали. Поэтому и люди и животные в основном оттуда, своих не хватает.

– Это буддисты?

– Нет, что вы! Это индуисты. Буддисты против убийств животных, да ещё в таком массовом порядке. Буддисты осуждают фестиваль и призывают отказаться от жертвоприношений животных и подносить богине вместо мяса фрукты и овощи.

– Э-э-э, погоди-погоди! А вот мы стояли в лоджи перед монастырём, так монахи приходили и мясо трескали за обе щёки.

– Я не говорил, что все буддисты – вегетарианцы. Многие едят мясо, но отвергают акты, когда животное убивают специально для них. И наоборот: среди индуистов немало вегетарианцев.

– Понятно, что ничего не понятно. Начнёшь у вас разбираться в богах, в традициях – увязнешь по самое небалуй.

– Протестуют не только верующие. Взять Бриджит Бардо, актрису, знаете такую? Нет? Ну да, она старая уже. Но тоже возмущается и пишет письма непальским властям. Но они наотрез отказываются отменять жертвенный фестиваль.

– Почему?

– Потому, что это наша вера и наши традиции. Какое дело старой тётке? Погуляла своё, а теперь начала думать о душе?! Мир, говорит, полон зла. Правильно! Но она не верит в то, что принесение животных в жертву богине Гадхимаи положит конец злу и принесёт процветание... И Манека Ганди пишет обращения.

– А это кто?

– Это вдова Санджая, сына Индиры Ганди. Он погиб в авиакатастрофе, а Манека работает в индийском парламенте. Интересно, что у неё прозвище «Дурга» – по имени богини. Я сам не понимаю, почему она тогда против жертвоприношений.

Пацаны не зря заплатили Доржи. Лепетал он по-английски еле-еле, но локтями работал здорово. Подошли к храму Гадхимаи. Там стоял какой-то их главный монах с помощниками, к ним стали подносить всякую живность. Сначала мелких зверюшек, которых и разглядеть было трудновато. Под одобрительные крики толпы их убили.

– Что за зверьё? – спросил Колян.

– Это мыши.

– Зачем они нужны?

– Таков ритуал. Сейчас вы увидите птиц.

И действительно: появились голуби, петухи и утки. Их также благополучно обезглавили.

– Ну, в общем ничего такого, даже прикольно, – отреагировал Толян. – У нас тоже кур рубят, может, только не так красиво. О, гляди, козу пригнали!

С козой разделались быстро, перерезав ей горло. А потом привели свинью. В неё начали как-то непрофессионально тыкать ножами, и нужный эффект умерщвления никак не наступал, а свинья страшно и отчаянно визжала.

– Наверное, они нарочно не убивают сразу, – выразил мысль Колян. – Повеселить толпу, что ли? Зачем это делать? Надо зарезать – так нарежьте побыстрее, не мучайте хрюка...

Свинья, наконец, перестала биться и визжать, а толпа, наоборот, заревела так, что Толян и Колян заткнули уши. Причина оживления вскоре стала понятна: на площадь вывели буйвола. Огромный и тяжёлый, с большими рогами, он не хотел идти и упирался. Рядом стоял накачанный мужчина в белых трусах, белой майке и с длинным и широким кукри-ножом в руках.

– Толян, слышь, ты помнишь анекдот про цирк? Когда всё в дерьме и только один фокусник висит под куполом цирка – чистый и в ослепительно-белом трико.

– Ага, помню.

Человек в белом не торопился и чего-то ждал. Чего? Доржи объяснил, что бык перед смертью должен почувствовать себя свободно и приятно, не бояться и не убежать. Парни увидели, как помощники стали плескать на быка водой, гладить и уговаривать. Буйвол, наконец, успокоился, перестал мычать и лишь слегка вертел головой.

– И как же он его, такую махину? Замучится рубить...

Человек в белом взмахнул жертвенным кукри-ножом-топором, сделал всего один удар, и голова буйвола отлетела на камни площади. А бык всё стоял на ногах, испуская вверх фонтаны крови. Его минуту назад громкий рык заменился на тысячекратно усиленный крик удовлетворённой и ликующей толпы...

Одуревшие Толян и Колян бродили по городу, и повсюду совершались жертвоприношения. Хотя какие там приношения – шла бойня. Бычков мало где убивали красиво – умельцы, видимо, были наперечёт, и животных просто кромсали железными острями, делая по пять, десять, двадцать ударов, пока надрубленная шея не переставала держать издающую звуки ужаса голову.

– Давай считать, – предложил Толян. – Не коз и кур, конечно, с этим понятно. Давай считать, сколько кладут крупняка.

Очень скоро друзья поняли, что сосчитать забитых буйволов невозможно. Даже на бессистемном уровне стало ясно, что счёт идет на многие тысячи. Сходя с ума от вида и запаха крови, гор сырого

и жареного мяса, парни пробивались к автобусам. Покидая Бари и припадая к бутылочному горлышку, в качестве заключительных кадров они увидели людей, которые бежали к автобусу, намереваясь с ним что-то сделать. Опасения сменились удивлением и очередной порцией дурманящего зрелища: люди обмазывали автобус кровью и украшали его кишками...

Вечером, в «Шерпе» Толян и Колян встретили русских восходителей. Это были серьёзные клаймеры, поскольку вокруг них толкались и непальские чиновники, и ребята из российского посольства. Когда один из соотечественников вышел на перекур, пацаны подошли к нему, извинились за беспокойство и попросили просветить.

– А, вы с Гадхимаи? Понятно! – Валентин, так звали молодого человека из посольства, рассмеялся. – Ну, объясняю популярно. Богиня власти Гадхимаи любит кровь, а индуисты любят богиню. Ради такой любви и проливают кровь...

Когда-то давным-давно богиня любила попить человеческой крови, но сейчас, слава уж не знаю какому из их богов, она принимает и кровь животных. Почему так жестоко? Индуисты не считают это жестокостью, так как уверены: после принесения в жертву, в следующей жизни все убиенные животные переродятся в людей. Гадхимаи позаботится!

ГЛАВА I

Бурлаки

Мы потихоньку допивали коньяк, а Морис продолжал свой рассказ.

Он говорил, что магараджа прислал за нами офицера для оказания всяческой помощи в пути. Офицер и вправду здорово помог: он организовал доставку группы восходителей на вокзал, где их ожидал, как и предполагалось, товарный поезд. Когда группа ехала в индийском поезде даже в купе, то была от него, мягко говоря, не в восторге. А теперь товарняк...

Но офицер снял ложную тревогу: министр иностранных дел Непала, он же сын магараджи, решил вопрос. Да, это будет товарняк, поскольку других поездов нет, сказал офицер, но министр дал указание прицепить к товарному составу специальный вагон-люкс для победителей горы. Ну, это ж другое дело! Правда, вагон был крошечным, а при ширине колеи в шестьдесят сантиметров поезд раскачивало так, что путешественников мутило. Зато купе оказалось роскошным, из блестящего дерева с бронзовыми вставками!

На конечной станции команду ждал сытный завтрак и стоял наготове транспорт: для людей – автобус, а для снаряжения – грузовик. Через несколько часов езды по сравнительно неплохой дороге путники прибыли в посёлок, где их ждали лошади и «дэнди» – носилки для переноски пассажиров в сидячем положении. Дальше предстояло идти по горным тропам, непроходимым для автомобилей.

Морис смирился с тем, что придётся набраться терпения на два перевала. Отупеть, оцепенеть, забиться в неудобном «дэнди», но это лучше, чем перемещаться как мешок в санках или носилках при спуске с вершины. Вдобавок говорили, что скоро опять начнётся автодорога и до Катманду они доедут на машине. Но каким образом туда попадёт машина? Она никак не сможет проехать по такой узкой, вихляющей вверх-вниз тропе!

Но выяснилось, что автомобиль... несут. С него снимают колеса, а кабину устанавливают на большой платформе, которую сопровождают 50–70 носильщиков. Большая часть неудобной тропы обходится по пологим руслам мелких или пересохших рек, а в районе перевалов тропа расширена. Конечно, это тяжёлый труд, но для непальцев он привычен. Передвигаясь с нелёгким грузом, носильщики, чтобы сбить напряжение и облегчить усилия, поют ритмичные песни...

Мне вспомнились репинские «Бурлаки на Волге». И я взял да и спросил Мориса про эту картину. Мол, слышал ли он вообще про Репина? Морис усмехнулся: конечно, слышал! А и в самом деле – чего ж странного? Мы, советские люди, всегда хорошо знали, скажем, французских импрессионистов, благо в наших музеях их картин достаточно. С видом знатоков объясняли дилетантам разницу между Клодом Моне и Эдуардом Мане. О Пабло Пикассо и говорить не приходится! «Голубь мира», «Девочка на шаре» и всё такое впитывалось, можно сказать, почти с молоком матери. Так почему должна вызывать удивление встречная художественная компетенция французов? Не хватало ещё про Толстого или Достоевского спросить!

Выставки Репина и других русских художников-реалистов, – а Морису нравились именно реалисты, – неоднократно проходили во Франции, и мэр Шамони их посещал. Вот мы и стали сравнивать непальских носильщиков с бурлаками. Интересно, им было так же трудно, как бурлакам, или легче? У Мориса как-то не сложилось по этому поводу определённого мнения, поскольку он не сильно разбирался в теме бурлачества. Я тоже не разбирался, но всё-таки порассуждал!

И высказал мнение, что бурлакам приходилось тяжелее. Бурлачили они далеко не всегда так, как это изображено на картине Ильи Ефимыча. На полотне бурлаки идут пешком, по берегу, а баржу тянут на прицепленном к самим себе канате. Но чаще работники заплывали на лодке вперёд баржи, ставили якоря и подтягивали посудину-склад к лодке, наматывая верёвку на установленный на барже барабан. А по берегу шли гораздо реже. В обеих ситуациях тащить баржу надо было против течения! То есть если ты станешь идти или накручивать верёвку на барабан вполсилы, баржа не сдвинется с места.

Но тащить машину по горам – другое дело: как ни неси, сколько-нибудь продвинешься вперёд. Песни бурлаки тоже пели – и тоже, видно, не с веселья. Что они там исполняли нестройным хором, «Дубинушку»? Про Фёдора Шаляпина Морис тоже слышал?! Да!!!

Перетирая тему русских бурлаков и непальских носильщиков, мы, подобно трудягам, слегка приглушили печальный фон, связанный с воспоминаниями о полученных при восхождении травмах, и Морис в гораздо лучшем настроении вернулся к прерванному повествованию...

Около полуночи они добрались до деревушки в конце пешего пути, где ожидал допотопный американский автомобиль – не тот, который несли, а «новый»: машина прибыла с другой стороны от перевалов. Немного передохнув и выпив чаю, восходители загрузились в транспорт и уже через час въехали в Катманду, столицу Непала, в рест-хаус магараджи, где были встречены советником французского посольства.

Если вы постоянно живёте в комфортной обстановке, то чуть больший комфорт останется вами не замечен. А вот меньший комфорт наверняка вызовет неудовольствие. Однако если вы пару месяцев провели в условиях, минимально приспособленных не для жизни, а едва для выживания... Тогда *любой* комфорт доставит вам радость. Ровно так и вышло. Обычная мебель привела друзей в настоящий экстаз. Альпинисты совсем позабыли, что она в принципе бывает. А вот над электрическим холодильником даже пошутили: лучше всего холодильник естественный, в виде снега и льда.

Но ванна вызвала бурю радостных эмоций: на восхождении путешественники едва смачивали лицо, в ущельях и долинах обтирались речной водой. Откуда в ванной и вообще в рест-хаусе бралась горячая вода, не осталось загадкой: в доме не было центрального отопления, как, впрочем, и во всем Непале. Воду подогревали на костре, заливали в бак, а измождённому восходителю требовалось только открыть кран – далее всё происходило ровно так, как в парижской квартире.

И что совершенно немыслимо, на столе стояла бутылка эльзасского вина!..

К этому времени ёмкость с «Мартелем» мы уже допили, причём большую часть, разумеется, «уговорили» вдвоём с чекистом, который уже давно смотрел на меня вполне дружелюбно. Морис предложил добавить, но мы отказались. Хотел бы честно признаться, что остановило нас совсем не чувство меры, а вежливость. Не хватало ещё поддерживать миф о том, что русские только и делают, что бухают, и большими дозами. Но поговорить о заморском спиртном было приятно.

– Вы опять разделили эту бутылку на всю группу?

– Да какое там! Мы хотели «раздавить» её вдвоём с Луи, но метрдетели в тюрбанах наливали вино с такой церемонностью, что сделать желаемое мы как-то засовестились...

Вот! Я всегда подозревал, что французы – такие же ребята, как и мы. То есть выпить не дураки! Что, собственно говоря, требовалось не доказать, а подтвердить.

Самой приятной неожиданностью для Мориса стало то, что он сможет пользоваться настоящей кроватью. После саней, носилок, «дэнди» простое возлежание на свежих простынях с возможностью разбрасывания забинтованных и саднящих рук и ног в стороны и без ограничений, уже доставляло удовольствие.

Жак снял бинты со всех ран и попросил Мориса побыть несколько часов без повязок. Это вылилось в нелёгкую задачу: ни к чему нельзя прикоснуться; нужно лежать, задрвав конечности, и тщательно оберегаться от мух и комаров. Как это возможно, когда мух туча, они огромные, с красным брюшком, прилипают, как пластырь, и согнать их затруднительно?! А в ранах кишат черви. Жак успокаивал и пояснял, что они очищают рану лучше любого современного лекарства...

Тут Морис отвлекается от сюрреалистического повествования и вдруг говорит:

– А знаете, именно тогда я вдруг понял, как нам повезло.

– Что остались живы?

– Нет, другое. Понимаете, когда человек умер, ему уже всё равно: повезло – не повезло, он же этого больше не понимает, потому что его просто не существует. А когда быстрая смерть, то она и вообще во многих случаях приходит для человека, тем более альпиниста, незаметно. Лез, например, по стене, сорвался и полетел. Пара ударов о скалу или лёд – и даже мозг не успевает понять, что наступил конец; мозг до самого последнего момента уверен, что жизнь продолжается.

– В чём же в таком случае заключалось ваше везение?

– Да совсем просто: в докторе! Когда мы «путешествовали» в носилках, на спинах шерпов, то проходили через селения или поблизости от них. Пока все были здоровы, доктор Жак не отличался внешним видом от прочих участников группы. Но теперь, когда он производил с нами необходимые манипуляции – совсем не пятиминутные и не обязательно в палатке, а чаще на открытом воздухе, то становился, как врач, хорошо узнаваем для окружающих. Слух о волшебном докторе быстро распространился по горам. Почему волшебном? Потому что любой доктор для непальцев в то время и в тех местах считался волшебным.

К нам потянулись люди. Раз принесли мальчика тринадцати лет. «В чём проблема?» – спрашивает Жак. «Да вот, не ходит, помогите». Утверждают при этом, что у парня повреждена нога. «А давно он не ходит?» – интересуется Жак, осматривая ногу. «С рождения...» М-да...

В другой раз родственники привели юношу на здоровых ногах, но с двойным открытым переломом руки – кость вылезала наружу, рука гноилась и раздулась до невероятных размеров. Жак предложил ампутацию как единственное средство спасения. Родственники отказались и просили только о перевязке. С большим трудом Жак вставил кость на место, наложил гипс и сделал перевязку. Непальцы с благодарностью ушли.

«Что будет дальше?» – спросили мы у доктора. «Что-что... Умрёт через неделю или две: повязку менять они вряд ли будут, нагноение возобновится, начнётся гангрена...»

Доходило до грустных курьёзов. С немалыми усилиями, через переводчика-шерпа, не блестяще знающего английский язык и совсем не понимающего по-французски, Жак выяснял заболевание очередного посетителя, а потом подбирал для него лекарство из наших не совсем уж скудных запасов. Непальцы живо делились впечатлениями, а потом... обменивались этими лекарствами между собой. В конце концов, Жак стал давать им безвредные пилюли: отстанут, и ничего плохого не случится.

Местные жители никогда раньше не видели докторов, но слышали, что такие существуют. Вот я и говорю, что нам повезло. Не будь Жака, мы с Луи просто сгнили бы заживо, мучительно и не слишком быстро...

На следующий день группа готовилась к большому дурбару – торжественной аудиенции у короля. Посольский чиновник объяснял порядок церемонии, подготовленной в королевском дворце. Сперва будет строго регламентированная официальная часть, потом общение примет более свободный характер. Путники должны облачиться, ни много ни мало, в белые смокинги. Откуда они возьмутся? Ха! Смокинги находились в багаже группы от самого Парижа.

В назначенный час побритые и переодетые путешественники на двух огромных машинах въезжают за ограду дворца, абсолютно недоступного простым смертным. В городе вокруг дворца царят грязь и нищета, а здесь взгляду открывается подстриженная зелёная аллея во французском стиле, уютные беседки, прекрасное ухоженное озеро. Восходителей встречает целое соединение всадников-гурков на породистых лошадях – все они в красной одежде, с висячими усами, вооружены пиками.

Друзья Мориса высаживаются из авто и направляются ко входу во дворец. А для главного героя приготовлены сидячие носилки. Солдаты поднимают его по лестнице, а магараджа в белом мундире, усеянном множеством необычных орденов, выходит навстречу. Его головной убор украшен крупными драгоценными камнями, среди которых выделяется феноменальный по величине бриллиант. Усы в стиле императора Франца-Иосифа делают внешность магараджи ещё более величественной...

Стоп! Морис неоднократно упомянул магараджу. Кто это? Магараджа – это король? Морис поджимает губы и поясняет, что магараджа не король, а премьер-министр. Любопытно, что такая должность, как и королевская, передаётся по наследству братьям или сыновьям главы правительства.

Магараджа извиняется за то, что король не может присутствовать на церемонии, мол, болен, и что вообще-то он почти никогда не показывается подданным, олицетворяя духовную власть. В этот раз король очень хотел появиться, но вот болезнь... Впрочем, в зале находится целая куча наследных принцев, которые выказывают восходителям всяческое почтение. Но что же всё-таки с королем? Морис аккуратно напоминает нам, что как раз в этом году Индия, «старший брат» Непала, обрела независимость. На новом историческом витке обострилась борьба между кланами обеих стран за власть. Вокруг короля Непала сложилась непростая ситуация, он мог просто-напросто потерять престол, а возможно, и жизнь, поэтому счёл за благо – временно скрыться от публики. Таким образом, осталось неизвестным, во всяком случае для Мориса и его друзей, что в действительности происходило с королем во время чествования победителей вершины и где он находился.

Потом члены французской экспедиции во главе с послом официально поблагодарили магараджу и преподнесли ему от имени президента своей страны стеной ковёр ручной работы. В ответ магараджа сказал, что с радостью разрешил восхождение, что вдвойне рад его успеху и втройне – что оно послужило укреплению отношений между Францией и Непалом, некогда установленных усилиями его отца и Сильвена Ли, великого французского учёного, специалиста по санскритскому языку. На груди магараджи путешественники заметили Крест Почётного Легиона.

Магараджа заканчивает речь, в зале воцаряется молчание, и тут входят предусмотренные этикетом служащие, почтительно несущие небольшие коробочки. Мориса переносят на середину громадного помещения, и магараджа вынимает из футляра награду – высший орден Непала, его вручают лишь солдатам и офицерам непальской армии во время войны. Орден называется «Доблестная правая рука гурков».

– Вы проявили исключительное мужество, и мы приветствуем вас как мужественного человека, – говорит магараджа, и Морису, конечно же, приятны эти слова, хотя он едва не терял сознание, а из ран сквозь бинты сочился гной...

После завершения официальной части приёма разговор Мориса и магараджи продолжался. Вельможу очень интересовало царство вечных снегов. Он, разумеется, вполне представлял себе, в какой стране живёт, но сам, как и многие из его окружения, в серьёзных горах не бывал и, видимо, не собирался.

– Будем надеяться, что после вашего восхождения на Непал не падут какие-нибудь несчастья. А если что-то и случится, то нам, нарушившим божественные законы, не поставят это в вину, – в задумчивости сказал магараджа.

Наконец, всё заканчивается, и его высочество с сыном-генералом провожают участников экспедиции. Морис совершенно обессилен, ему не терпится лечь, но покорителя восьмитысячной вершины, давшей так дорого, ободряет зазвучавшая вдруг мелодия – это непальский оркестр исполняет «Марсельезу»...

– Вы ничего не рассказали про непальскую столицу Катманду, – говорю я Морису. – Удалось ли что-нибудь посмотреть? Что показалось интересным?

– Наверное, вы не очень хорошо меня слушали. Я же описывал своё состояние. Мне было не до этого. Товарищи осматривали город и до церемонии, а я, совсем бегло, только в последний день нашего пребывания. Меня возили на площадь Дурбар, где много старинных индуистских храмов, и очень больших, и поменьше. Особенно тронула одна статуя. Спросил про неё. Объяснили, что это – статуя богини Кали. «Кали» на санскрите означает «чёрная». На самом деле она раскрашена разными цветами, но преобладают чёрные тона. Четырёхрукая Кали – богиня смерти и разрушения. Она и с виду страшная, на ней висят человеческие черепа. Но Кали одновременно и символ вечной жизни. Всё у них сильно перемешано, часто понять трудновато. Но очевидно, что богиня очень уважаема непальцами.

При всей моей немощи я не мог не заметить индуистский храм Сваямбунатха. Вот мы едем среди пыли и грязи, мимо нищих домиков и вдруг видим нечто фантастическое. Это высокий холм, на котором стоит остроконечный храм – по-непальски «ступа» – круглый, с цветными обручами. На нём нарисованы глаза Будды. Большую ступу и другие храмы-ступы на холме почитают и буддисты, и индуисты. Вокруг холма вертится много обезьян. Я видел их прямо внизу, у подножья огромной лестницы, ведущей вверх. Говорят, что обезьяны там бегают везде, сидят и на самих ступах. Они живут в окружающей роще, а люди их подкармливают, вот животные и тянутся сюда. Другое название Сваямбунатхи «Monkey temple» – «Обезьяний храм».

К ступе ведут несколько сот ступенек, они довольно крутые. Сопровождающие непальцы вежливо, но без большого энтузиазма предложили поднять мою коляску по ступенькам. Я отказался: даже не потому, что пожалел сопровождающих, а просто ясно понимал, что мне этот подъём доставит много мучений...

Время за полночь. Воодушевлённые рассказом и коньяком, мы с чекистом, который, похоже, на время забыл о своих прямых обязанностях, благодарим мэра и откланиваемся. Морис протягивает нам свои куцы, без пальцев, руки. Волей-неволей возникает какая-то жалость и неловкость за то, что у нас... есть пальцы. Но мэр абсолютно бесстрастен и даже весел. В дальнейшей жизни мне приходилось видеть немало инвалидов, ничуть не переживающих по поводу своего недуга. Может быть, притворялись? Некоторые, возможно, и притворялись, а многие, думаю, со временем привыкли к своему состоянию и воспринимали его как должное.

Дружелюбно беседа, возвращаемся в гостиницу.

Оказавшись вскоре в Москве, я, конечно, не забыл о том, что Морис упоминал написанную им книгу о восхождении на Аннапурну, и прямо кипел желанием её полистать. В чём причина «кипения»? В том, чтобы сравнить выслушанный и даже записанный мной рассказ с тем, что зафиксировано автором по горячим следам. Но книгу, изданную за рубежом, получить в то время было затруднительно. Да и что толку? Французского не знаю... Может, есть на английском? Я был сильно удивлён, когда обнаружил, что пару лет назад книга «Annapurna – premier 8000» переведена на русский язык и вышла в серии «XX век: Путешествия. Приключения. Исследования». Но всё равно достать её было проблемой: кто помнит то время, тот меня поймёт. Но достаю. И начинаю сверку своих записей с печатным текстом.

С удовлетворением понимаю, что каких-то неувязок, несоответствий почти нет. Видимо, за двадцать с лишним лет после восхождения Морис не раз излагал историю восхождения, и она стала чёткой, выверенной. Другое дело, что наш разговор происходил без особой патетики и вообще философского обрамления. Поэтому процитирую один важный, на мой взгляд, ракурс прямо из книги – по-другому история гималайской экспедиции с покорением первого восьмитысячника может оказаться, ну, недопонятой, что ли.

...Покачиваясь на носилках, я размышляю о завершении нашей эпопеи, о нашей неожиданной победе. Об идеале говорят всегда как о цели, к которой человек стремится и которой никогда не достигает.

Для каждого из нас Аннапурна – это достигнутый идеал. В юности нас не волновали ни фантастические рассказы, ни кровавые битвы современных войн, дающие пищу детскому воображению. Горы были для нас природной ареной, где на границе между жизнью и смертью мы обрели свободу, которой бессознательно добивались и которая была нужна нам, как хлеб.

Горы дарили нам свою красоту. Мы восхищались ими с наивностью детей и почитали, как монах – божественную идею.

Аннапурна явится сокровищем в воспоминаниях для всей нашей будущей жизни. С этой мыслью мы переворачиваем новую страницу... Начинается новая жизнь!..

Мне кажется, что главное Морис написал в самой последней строке книги. Главное потому и для того, чтобы другие не чувствовали себя обделёнными и верили: идеал достижим и для них. Почему ты должен обязательно покорять Аннапурну? Почему ты должен завидовать восходителям? Важно, чтобы была мечта об идеале и вера в его достижение. Какой идеал? Да у каждого свой.

Вот эта строка, облетевшая весь мир:

– Есть и другие Аннапурны в жизни людей...

ГЛАВА II

Намастэ

Мечта сбылась – я в Непале. «Намастэ» стало первым словом, которое услышал в этой стране. Олег Митяев поёт:

И будет вспоминаться дорога,
Где тебе говорит любой:
«Я приветствую в тебе Бога,
Повстречавшегося со мной!»

Правильно поёт. «Намастэ» в переводе с непальского и означает «Я приветствую в тебе Бога». А также «здравствуй», «до свидания», «привет», «пока», «доброе утро», «добрый вечер» и так далее. Вам все и всегда говорят «намастэ». На маршрутах, где встречаете других путников, к нему примешивается слово «hi» – модифицированный вариант английского «hello». Непалец, конечно, не скажет «хай», а «западник» скажет. Вот так люди идут и говорят друг другу «намастэ», или «хай», или оба приветствия вместе.

В Катманду прилетели одни «старики». В свои тридцать с большим хвостиком лет и пятнадцатилетним альпинистским стажем я чувствовал себя новичком в звёздной команде восходителей. С её лидером, Володей-младшим, читатель уже знаком. После шаровой молнии прошло двенадцать лет. На счету Володи теперь столько же восхождений на памирские семитысячники. И вот Непал, тот Непал, что был его мечтой с тех лет, когда мастер спорта, полный совершенно обоснованных амбиций, но попавший в неприятную переделку с природным катаклизмом, «пролетал мимо» первой советской гималайской экспедиции. Теперь время подоспело: впереди его первый восьмитысячник – Аннапурна.

А я? Куда полез? Проскочить на удачу? Хм... Жизнь в альпинизме справедливая, она всё расставляет по своим местам. Расставит и сейчас. Но пока мы просто прибыли в славный город Катманду.

В международном аэропорту короля Трибхувана нашу группу встречают не дети гималайских вершин, а такие же славяне – русские ребята-вертолётчики, давно завоевавшие высокий профессиональный авторитет в далёкой азиатской стране. Решительно отмахиваясь от носильщиков и таксистов, сажают в свои машины и везут в центральный район непальской столицы Тамел, в «незвёздную» гостиницу «Шерпа гест хаус». Это не означает «сарай» и «левизну»: в Непале даже существует «Non star hotel association» – Ассоциация незвёздных отелей, поддерживающая, несмотря на отсутствие «звёзд», свои минимальные стандарты комфорта.

В «Шерпе» русских-советских видели не впервой, понимали и коряво произносили слова «спасибо», «завтра», «давай-давай», «чёрный хлеб». Мы устраиваемся «по благу», на правах постоянных посетителей: в то время как иной европеец или американец платит за место в весьма сносном номере пять долларов в день, с нас берут всего три.

Мне пока в диковинку обходиться без названий улиц, ездить на велорикше, испытывать регулярные отключения электричества. Эти перебои интересны тем, что демонстрируют уровень классового расслоения жителей непальской столицы, что особенно ярко видно в магазинчиках уличных торговцев, да и в тех же гостиницах. Когда «казённый» свет гаснет, кто победнее, зажигает простые свечи. Люди чуть богаче используют керосиновые лампы корейского производства с хитрым абажурчиком: металлическая сетка накаляется и выдаёт неплохое свечение. А наиболее состоятельные просто нажимают другую кнопку, то есть включают бензиновый дизель-генератор, а в гостинице резервную аккумуляторную батарею, после чего потухшие электрические лампочки опять загораются.

В городском сумраке к тебе подходят местные дистрибьюторы запрещённого, но популярного и доступного в Непале зелья и вкрадчиво предлагают:

– Гашиш, марихуана?

Воспитанный на «стакане» и не приученный к таким «яствам» русский путешественник грубовато реагирует:

– Пошел на ...

На что торговец, видимо, не успевший познать русский нецензурный язык, продолжает доверительный диалог:

– No, no, good quality, sir! Be sure...

Тамел – центр Катманду, относительно незамусоренная территория, но город в целом предстаёт грязным и загазованным, многие люди страдают болезнями лёгких и ходят в респираторах.

Прежде чем выезжать в район восхождения, нужно уладить ряд формальностей: добиться приёма у чиновников, заплатить деньги за право восхождения, получить требуемые разрешения. Чиновничий процесс движется неспешно, а мы параллельно закупаем продукты, снаряжение, знакомимся с достопримечательностями и предаёмся чревоугодию.

На вопрос, что бы такое попробовать из национальных блюд, опытные ребята рекомендуют «шизлинг чикен». Из чего оно? Из курицы! И всего-то? Ну, ладно, попробуем. Официант, берём! Спустя минут тридцать после заказа он бежит со сковородкой на деревянном подносе, где как-то

особенно громко шипит, трещит, брызгается жареный цыплёнок и откуда валит густой пар. Здорово, не зря заказали, и правда «шизлинг»! Как такое получается? Секрет раскрывать не хотят, но мы настойчиво допытываемся и узнаём: в момент готовности цыплёнка на раскалённый металл плещут немного водички, и получается «чудесное» шипение.

Ещё одно «секретное» блюдо – «гавайя стейк». Вместо курицы теперь кусок говяжьего мяса, а вместо воды ром или спирт: поливают готовую порцию, поджигают – и перед вами аппетитный стейк в огоньках синего пламени. Особенности вкуса названных блюд, хоть убейте, не запоминаются, зато впечатления яркие.

Из достопримечательностей больше всего поразил индуистский храм Пашупатина на берегу священной реки Багмати, где сжигают тела мёртвых. Процессия с покойником, укутанным в яркие одежды, неспешно подходит к месту кремации, и начинается прощальный обряд. Причитают женщины: сначала все вместе, сидя на земле, а затем поочерёдно кидаясь к усопшему и демонстрируя свою скорбь. Потом ходят вокруг тела и посыпают его рисом.

Последним с покойником прощается сын. Он омывает лицо и руки в реке, приближается к поленнице толстых дров, на которых возлежит тело, берёт факел и подносит его к соломе – её наваливают на дрова, чтобы они быстрее разгорались. Для нас непривычно, что сынок поджигает собственного папашу, но таков ритуал. Занимается пламя, а люди срывают с покойного разноцветные накидки и бросают их в Багмати. Вот уже тело объято огнём. Нога или рука, изгибаясь и отрываясь от перегоревших сухожилий, падает вниз. Бритый под ноль и голый по пояс монах подбирает конечность и опять кидает в костёр...

Дворец короля Бира – значительное пространство, огороженное высоким забором и охраняемое гурками. Какая там жизнь, никто не видит, узнать о ней можно разве что из рассказов француза Мориса, поскольку вход на территорию дворца простым смертным категорически запрещён. Но можно узреть огромные деревья, на которых многими сотнями висят вниз головой странные живые существа. Днём они попискивают и порой шевелят крыльями, сделанными будто из тонкой чёрной, хорошо выделанной лайки. В сумерках существа летают, и тогда видно, что они довольно большие: размах крыльев достигает метра. Непальцы называют этих тварей, вскармливающих детёнышей молоком, «бэтс» – летающие собаки; наверное, из-за характерной мордочки с пёсым носиком и стоячими ушками.

«На волю» стартуем автобусом «Катманду – Покхара», который преодолевает двести километров до этого города в центре Непала за немалое время – восемь часов. Вещи грузим на крышу автобуса, где их перетягивают ремнями, чтобы не упали. Туда же, на крышу, садятся и некоторые непальцы, а мы устраиваемся в салоне.

По дороге раза три останавливаемся размяться и перекусить. Володя интересуется, есть ли в наличии «долбат». «Dal bhat» – национальное блюдо из риса с чечевичной подливой, тушёными овощами и любопытной спецификой: заплатив один раз небольшую сумму рупий в эквиваленте около полдоллара, вы вправе требовать добавки. Даже если не будете просить, официант сам подойдёт и спросит: «More bhat?» (ещё риса), «More dal?» (ещё подливы). И так, сколько угодно. Володя с удовольствием ест нехитрое кушанье и удовлетворённо произносит: «Умеют же у них готовить. Дёшево и сердито!»

Да, когда привыкаешь, эта еда воспринимается сначала как приемлемая, а потом как подходящая на все периоды приёма пищи, будь то завтрак, обед или ужин. Собственно говоря, непальцы так долбат и потребляют. Сужу по носильщикам и проводникам – они, если помните, зовутся, портерами и сирдарами, или, по-европейски, гайдами, от английского guide. Утром эти ребята ограничиваются чаем с добавлением молока или вообще сваренным на молоке – масала-чаем. Во время ланча идёт долбат или опять масала-чай; в обед-ужин, то есть в завершающую сутки трапезу – точно долбат.

В Покхаре берём такси – три японских авто «Тойота-Карола» образца «мохнатого года» – и преодолеваем ещё около двадцати километров до деревни с улаждающим русский слух названием Феди. Здесь решаем вопрос с носильщиками. Помните, сколько носильщиков было у французов? Во-о-от. Мы не настолько богаты, да и шли первопроходцы долго, около двух месяцев, из Индии, но главное – по неизведанному маршруту. Наш путь в целом понятен, и носильщиков берём всего пять-шесть. До базового лагеря Аннапурны на высоте четыре тысячи двести метров три дня пути, без всяких технических сложностей, по проложенным тропам, где теперь ходит весь мир. После

базового лагеря мы откажемся от носильщиков – даже небольших денег на их оплату у нас нет. Хотя портеры не помешали бы: дальше не будет троп, придётся всё таскать самим, передвигаясь челночным способом, из одного промежуточного лагеря в другой и обратно.

Но пока впереди приятный треккинг. Посвящая российского читателя в этот не всем понятный термин, поясню: «треккинг» в Гималаях – это, с одной стороны, то же, что у нас «туризм». С другой стороны, понятия сильно различаются: занимаясь горным туризмом на родных просторах, вы бродите по плохим дорогам или вообще без оных, ночуете в палатках или где попало, всю поклажу несёте на себе, а кормитесь тем, что сумеете приготовить в соответствии со своими кулинарными способностями. Гималайский треккинг – это путешествие по цивилизованным дорожкам, значительная часть которых выложена каменными ступенями.

Первая мысль: сколько же времени понадобилось, чтобы навести такой дорожный порядок в первоначально непроходимой местности? Десять лет? Двадцать, тридцать? Потом понимаешь, что «наведение треккингового порядка» заняло столетия и тысячелетия. Практически все жители горных мест, включая женщин и детей, постоянно добывают, тешут, носят, кладут камень; а развалившийся заменяют на «свежий». Делают это и для нас, поскольку путешественники являются основным источником дохода страны в целом, и для себя, так как передвигаются по этим же тропам каждый день.

Касательно переноски грузов. В гималайском треккинге нести на себе нужно только личные вещи, типа сухих маек и ветровок для переодевания или утепления в пути. Остальное отдаётся портеру, стоимость которого в то время составляла примерно пять долларов в день. Что переносит портер? Да что хотите, сие зависит лишь от толщины вашего кошелька: иные западные дяди и тётки путешествуют по горам с собственными поварами, фарфоровыми чайниками и чашками, живыми курами в клетках, чтобы откусать на привале свеженького мяса.

Но даже с кошельком потоньше и готовить, и ставить палатки нет никакого смысла, поскольку через каждый километр встречаются мини-гостиницы «лоджи», где за умеренную плату вы получите незатейливую комнатку с кроватью, матрасом и бельём и сможете заказать что-то из еды. Местные власти следят, чтобы цены в «лоджах» были фиксированными на каждой определённой высоте. Но чем выше, тем доставка продовольствия сложнее: все припасы прибывают сюда исключительно на человечьем, лошадином, ячьём горбу; в мешках, тюках, ящиках, плетёных корзинах. Пустые бутылки из-под пива, вина, «софт-дринкс» таким же манером спускаются обратно. Отсюда и цены на готовку и напитки поднимаются по мере продвижения вверх.

В каждом «лоджи» обязательно наличие туалета и душа с горячей водой. Красиво звучит, не правда ли? Как же они умудряются? Да так – снова вспомним рассказ Мориса. Воду подогревают на дровяном костре, в лучшем случае – на газовой или керосиновой горелке, затем заливают в бак, и вы можете наслаждаться. Правда, располагаться душ будет в каком-нибудь сарае; не исключено, что температура вокруг и внутри него окажется такой, что «наслаждаться» не захочется. Но это уж ваши проблемы.

С туалетом лучше. Вас ждёт не дырка-сортир, а керамическая раковина. Рядом обязательно будет кран или ведро с чистой водой. Правда, сток из туалета ведёт не в центральную канализацию, а в канавку метрах в пяти от вашей «кабинки» – ну, это, применительно к горам, мелочи жизни.

Чтобы не потерялась мысль, напомним: сказанное выше относится к треккингу, который условно приравнивается к туризму. Но вот понятие «клайминг», от английского climb – подъём, взбираться, подниматься; значительно круче этих двух и даже посильнее понятия «альпинизм». Последнее слово произошло, как известно, от Альп, в коих ныне бытует такого рода шутка: первый крюк при восхождении на альпийскую вершину забивается в конце железнодорожного полотна, а последний – у входа в гостиницу. Гималайский клаймер подобных удобств не встретит. Он – песчинка в огромных, безбрежных горах, где всё, что вы видели в Альпах, на Кавказе или даже в Средней Азии, становится крупнее в два, пять, десять раз.

Если рододендроны в Приэльбрусье едва касаются вам колен, то здесь вырастают в высокие раскидистые деревья; если, продираясь в Фанских горах полчаса через колючки, вы вспоминаете об этом всю оставшуюся жизнь, то здесь рискуете днями искать проходы в бамбуково-лиановых зарослях; а по скалам, снегу, ледникам, постепенно набирая высоту, вы можете блуждать в Гималаях неделями, так и не достигнув поставленной цели.

Наш треккинг оказался коротким, простым и приятным; клайминг обещал быть длинным, сложным и непредсказуемым...

Жизнь расставит... Фатально расставит? Вряд ли. Она лишь предупреждает, она подаёт сигналы, она заставляет поразмышлять. Совершенно случайно я взял в экспедицию книжку «Хрустальный горизонт», только что вышедшую на русском языке. Её автор, здравствующий альпинист Райнхольд Месснер, покорил все четырнадцать восьмитысячников планеты, включая Эверест. Мы пока шли не на Эверест, а на Аннапурну – гору, менее высокую, но не менее великую и опасную. Об Эвересте речь пойдёт дальше, но важно не это. Для Месснера, достигшего сверхчеловеческих рекордов в горах, интерес к технике восхождений отошёл, видимо, на второй план, и он решил углубиться в психологию восходителей. Какими духовными качествами должен обладать клаймер, чтобы получить вожделенную вершину? И достаточно ли для этого только воли к победе?

Но как узнать? Среди выдающихся альпинистов попадались люди-машины, о психологических исканиях которых ничего не известно. Искания-то наверняка присутствовали, но «машины» их из своей оболочки не выпускали. А у кого-то всё вылезало наружу. Как у человека по фамилии Уилсон, историю которого Месснер вспоминает в книге, пытаюсь разобраться в доминантах восходителя.

Англичанин Уилсон родился ещё в XIX веке, в 1898 году. Юнцом ушёл на Первую мировую, а в 1917-м попал в битву при Пашендейле – одном из крупнейших и самых трагических сражений между союзной армией под британским командованием и германцами. Битва затянулась на много месяцев и проходила в болотистой местности, войска с обеих сторон утопали в грязи. Схватка унесла сотни тысяч жизней. Пулемётчик Уилсон остался в живых единственным из всего подразделения и сдержал на своём участке наступление немецких войск. Через несколько месяцев он получил серьёзное ранение, от которого никогда полностью не восстановился и плохо владел левой рукой. Когда война кончилась, Уилсон окунулся в мирную жизнь. Но так просто к ней не возвращаются: люди мечтают, переживают – и вот перед нами известный феномен «потерянного поколения».

Не совсем понятно, на каком этапе и под влиянием каких идей у человека, не обладавшего никакими альпинистскими навыками, возникла идея покорить Эверест, никем доселе не пройденный. Более того: Уилсон вздумал штурмовать вершину в одиночку, без финансовой поддержки сообщества и экспедиционной логистики. Почему? Как пишет Месснер, «он твёрдо верил, что глубоко религиозный человек, очищенный постами и молитвой, может достичь чего угодно, в том числе и высочайшей вершины мира». Да, в послевоенные годы Уилсон стал религиозным человеком, верящим в Бога и судьбу.

В 1934-м он устремился к цели и полетел в Индию на личном самолёте. Даже этот драматический воздушный бросок потребовал невероятных физических усилий и мужества: полёт прерывался, пилоту чинили всяческие препоны; наконец, самолёт пришлось бросить и начать долгий путь по негостеприимной земле, где Уилсона никто не ждал. Настал день, когда он, переодевшись тибетским ламой – по-другому было не пройти, в сопровождении трёх носильщиков отправился в Тибет. Передвигаясь по ночам, группа в середине апреля достигла монастыря Ронгбук – он находился прямо под базовым лагерем Эвереста со стороны Китая, на высоте пять тысяч сто метров.

Проявляя те же качества, что и во время перелёта над бесконечной, раскалённой пустыней, Уилсон приступил к восхождению и штурмовал гигантский ронгбукский ледник. Много раз сбивался с пути, но продолжал подъём, однако в районе шести тысяч пятисот метров, где находились остатки третьего лагеря предыдущих экспедиций, обильный снегопад вынудил восходителя повернуть вниз. Два дня он пролежал в своей палатке на леднике, а потом, пробиваясь сквозь толщу свежевывающего снега, сумел добраться до монастыря. Восстановив силы, Уилсон продолжил восхождение и уговорил двоих носильщиков сопровождать его. Они вновь достигли лагеря «три», после чего Уилсон продолжил штурм в одиночку, попросив портеров подождать его в лагере. Просьба не была выполнена. В конце мая неподалеку от лагеря нашли тело Уилсона.

Трудно сказать, какой высоты он достиг прежде, чем умер в полном одиночестве, – сведущие люди заключали, что около семи тысяч метров. Уилсон не имел даже кошек; не знал, как рубить ступени и перемещаться по льду. Не обладая необходимыми навыками работы на скально-ледовом маршруте, с обездвиженной рукой, на одной воле, он, скорее всего, сделал очередную попытку преодолеть крутую ледовую стенку, но организм не выдержал. До вершины оставалось много – две тысячи метров.

Теперь вернёмся к вопросам. Совершил ли Уилсон сверхчеловеческий подвиг? Совершил: семь тысяч – очень большая высота, а для дилетанта недостижимая. Уилсон был дилетантом.

Играют ли роль на восхождениях так называемые духовные факторы? Да, играют, и весьма значимую, это признано альпинистским сообществом и подтверждено историей Уилсона.

Возможно ли покорить серьёзную вершину без технической подготовки? Оговоримся: покорить самостоятельно, поскольку известен ряд случаев, когда неопытных восходителей буквально затагивали на верёвках более подготовленные товарищи. Нет, одному невозможно.

Вот так я и рассуждал, приступая к штурму Аннапурны – самого опасного из гималайских восьмитысячников – в составе опытной команды. И терялся в ответах. У меня была неплохая техническая подготовка, опыт преодоления скальных и ледовых стен и восхождений на пятитысячные вершины. Но не выше. А главное – отсутствовала фанатичная нацеленность на победу, присущая Уилсону и моим партнёрам. Престижно ли для меня зайти на вершину? Конечно, престижно! Является ли это целью жизни? Нет, не является. Пойду ли я до конца, не подведу ли товарищей? Точно не подведу. А если потребуются повернуть назад, стану ли я рисковать жизнью, чтобы не прерывать восхождение? Нет, не буду. В общем, в мозгах присутствовал полный раздрай.

Что же случилось дальше? Так жизнь расставила! После базового лагеря «четыре двести» мы два дня перемещались фактически пешком, помогая себе телескопическими палками и лишь иногда ледорубом. Поставили два промежуточных лагеря; челночили между ними, перенося продукты и снаряжение, и поднялись выше пяти тысяч. На третий день передовая двойка приступила к обработке маршрута. Не утомляя читателя повторением особенностей техник передвижения по горному ландшафту, добавлю только следующее. «Обработать маршрут» – это значит провесить «перила» (закрепить верёвки на крючьях), чтобы идущие вслед альпинисты могли не тратить на это время и двигались по ним с самостраховкой. Она предполагает использование «жумара» – устройства для скольжения по верёвке вверх-вниз в условиях сильного наклона, или обычного карабина – если участок менее крутой. Оба приспособления соединяют альпиниста с основной, длинной и толстой верёвкой репшнуром – короткой верёвкой потоньше.

Третий лагерь – так громко называлась одна палатка – поставили в районе шести тысяч. С одной стороны, чувствовалась высотность, на переходах движение затрудняла одышка, ноги начинали мёрзнуть, бивуачный комфорт сходил на нет; с другой – накопившаяся акклиматизация позитивно давала себя знать. Сказать о том, что двигаться было легко и приятно, язык не поворачивается, но и о том, что «помирали» – тоже. Нормально.

Пошли выше. В связке с мастером спорта Мишей мы преодолевали вывешенные передовой двойкой «коллективные» верёвочные перила, а пройдя, отстёгивались от них. Простого рельефа оставалось всё меньше, и мы в большинстве случаев всё равно скреплялись личной верёвкой, но страховались как попеременно (один стоит и страхует через крюк с карабином, камень, ледовый выступ; другой движется), так и одновременно (в случае неопасного срыва одного из партнёров, второй сумеет удержать его на верёвке просто рукой в перчатке).

На пути попался скальный зуб «жандарм», за ним ещё один. Первый удалось обойти, через второй пришлось перелезть. Высотой он был метров около десяти. Миша забрался на верх скалы, перевалил через неё, и я на некоторое время потерял его из виду. Поднимаюсь сам и... нога проскальзывает, срыв, лечу вниз. К верёвке-то я пристёгнут и, разумеется, за неё хватаюсь, но что толку – Миша меня не видит. Он мог заметить моё падение буквально двадцатью секундами раньше и выбрать верёвку. Если бы высота скалы составляла, скажем, метров двадцать или больше, всё бы тоже сложилось по-другому: он бы почувствовал рывок и принял меры к остановке полёта. Но вот ведь как фишка развалилась – двадцать «невидимых секунд» обеспечили мне свободное падение. Невыбранных метров хватило для того, чтобы долететь до подножья «жандарма» и упасть на бок.

Что я почувствовал? Хе! Что всё закончилось. То есть абсолютно всё, а если я ещё жив и вижу «небо в алмазах», так это последнее прости. Основания для таких ощущений были: острая боль, невозможность сделать вдох, кровь... Пытаюсь приподняться, встаю на четвереньки, осматриваю себя. Я бы не удивился, если бы увидел торчащие сквозь кожу кости или что в меня впился острый камень. Но, слава богу, ни того ни другого не наблюдаю и пытаюсь позвать Мишу на помощь. Однако крика не получается, при попытке подать голос захожусь в кашле. Дёргаю за верёвку, и Миша, конечно, на это реагирует. Через минуту он появляется на верхушке скалы и спускается ко мне.

Осматриваем мой корпус вместе. Касание правого бока почти в каждом месте причиняет боль.

– Понятно: перелом рёбер, – заключает Миша. – А ну-ка, сплюнь.

– Зачем? Чтоб не сглазить, что ли? Так сглазил уже...

– Плюй, говорю!

Плюю...

– Отлично! – удовлетворённо произносит напарник.

– Чего ж отличного?

– А того, что внутренние ткани, а главное лёгкие, не повреждены, поскольку в слюне крови нет.

– И что теперь?

– Ничего теперь. Теперь терпеть...

Впоследствии я хорошо познакомился с особенностями переломов рёбер, но этот раз был первым. Не представляя, как в таких случаях выходят из положения, я предполагал нечто ужасное и был настроен хреново.

– Как быть с восхождением?

– Давай дождёмся Володю и посоветуемся.

Так что, не финиш? Я сразу оживился, тем более что появилась возможность делать глубокий вдох – ну, не мгновенно, конечно, а с каждой третьей-четвёртой попытки. А Миша вышел по рации на контакт с Володиной связкой и рассказал о случившемся. Ребята приостановили путь к четвёртому лагерю и вернулись к нам.

Стали держать совет. Опытный Володя болезненно помял меня и сказал, что перелом прощупывается даже пальцами, то есть рёбер сломано несколько, и они смещены.

– Что делают в подобных ситуациях?

– Ничего не делают. Рёбра – такая штука, что даже наложение гипса ситуацию кардинально не меняет. При закрытом переломе рёбра и так срастутся, но не очень скоро. А пока придётся привыкнуться с временными неприятными ощущениями, особенно когда резко двигаешься или лежишь на травмированном боку.

– Как быть с восхождением?

– Давай для начала спустимся в лагерь «три» и там примем решение...

Спуститься-то я спустился, но каждое движение действительно причиняло острый дискомфорт. Стоговили ужин, легли спать, и я, обессиленный, уснул. Но как только пытался пошевелиться, просыпался от боли. Стало понятно, что идти, во всяком случае вверх, у меня не получится. Утром Володя вынес свой вердикт:

– Идти на восхождение не сможешь, это ясно. Тебе придётся остаться здесь.

– Я вас подвожу?

– Нет, не подводишь. Ничего смертельного с тобой не произошло. Поэтому мы продолжим штурм, а тебе оставим палатку, газ, продукты. Если будет плохо, жди нас, мы вернёмся сюда где-то через неделю. А почувствуешь себя лучше, спускайся потихоньку в базовый лагерь «четыре двести» – перила на сложных участках мы оставили, оттуда переходи в Чомронг, там спокойно поправляйся. Хотя лучше не пробуй, одному опасно...

Ну вот, жизнь и расставила... Однако «расстановка» только казалась завершённой. Двойка и тройка восходителей снарядились и двинулись дальше, а я потащился их провожать – до того места, где висели перила. Лежать или сидеть и вправду было бессмысленно: боль, пусть и не острая, а тупая, от этого никак не утихала, а при ходьбе даже чуть-чуть забывалась.

Ребята дошли до ледового кулуара и начали подъём. Володя с Валерой прошли первую верёвку и перестегнулись на вторую. И тут с верхней части кулуара пошли камни. При большой скорости они фырчат в воздухе, этот звук слышал даже я. Раздались крики «камень», кричал Володя и ещё кто-то. По правилам, именно так положено подавать сигнал опасности, когда заметишь любой идущий сверху или из-под тебя булыжник, даже самый маленький. Тогда каждый восходитель посмотрит вверх, сориентируется и попробует увернуться. Сам Володя отскочил, а вот напарник по связке не успел. Камень вдарил прямо в него, и Валера повис на страховке. Мне мгновенно вспомнился аналогичный случай в Фанских горах. Здесь картина складывалась посерьёзней: ни раненого, ни убитого мы бы своими силами вниз не снесли...

Я смотрел и смотрел, надеясь на чудо. Надеюсь, но понимая умом, что чудес не бывает. Однако не зря говорят, что в жизни случаются чёрные полосы, а их сменяют белые. Сейчас вроде прорезалась

серая полоса: Валера зашевелился, а потом начал самостоятельно двигаться по верёвке. Обе связки вновь спустились к подножию кулуара. Валера в эйфории не только спустился, но и без посторонней помощи дошёл до лагеря. Однако дальше стало ясно, что и в его ситуации про восхождение придёт-ся забыть: у парня разбита голова и сильно ушиблена правая рука.

Пережив вторую неудачу, Володя невесело смеётся:

– Повезло тебе, Алекс, не будешь неделю один торчать в палатке на шести тысячах, теперь у тебя хорошая компания – вдвоём точно сможете спуститься.

Шучу в свою очередь:

– Балласт удачно сброшен, тренировка действий в экстремальных условиях прошла успешно, теперь флаг вам в руки!

Последний, во всяком случае на этом этапе, вечер проводим вместе. Когда будет следующий? Зная, что Валера хорошо поёт, я прошу его:

– Спой ребятам на прощание песню Юры. «Ту самую песню». Только не «про слёзы со щёк», а другую.

И Валера поёт нужную песню. Юрину. Может, немного грустную, но правильную и оптимистичную. Под уютный гул газовой горелки. И главное – прямо про нас:

*Спокойно, дружище, спокойно!
У нас ещё всё впереди.
Пусть шпилем ночной колокольни
Беда ковыряет в груди.
Не путай конец и кончину,
Рассветы, как прежде, трубят.
Кручина твоя – не причина,
А только ступень для тебя.*

*По этим истёртым ступеням,
По горю, разлукам, слезам,
Идём, схоронив нетерпенье
В промытых ветрами глазах.
Виденья видали ночные
У паперти северных гор,
Качали мы звёзды ночные
На чёрных глазищах озёр...*

На спуске и на ночёвке мы с Валерой непрерывно рассказывали друг другу анекдоты. Чтобы не прерывать хорошо отвлекающий от болячек разговор и давать работу мозгам, решили оценивать анекдоты в баллах. По результатам «конкурса» победил тот, где слепой с одноглазым пошли... Уже смешно, правда? Потому что про нас: один с пробитой головой, другой со сломанными рёбрами, и тоже пошли. В общем, пошли слепой и одноглазый «по бабам», одноглазый впереди, проводником, слепой за ним. А дорога вела через лес. Стемнело, и одноглазый вдруг наткнулся зрячим оком на острую ветку:

– П..., пришли! – сказал одноглазый.

– Здравсьте, девочки! – весело отреагировал слепой...

Через два дня мы оказались в лагере «четыре двести». Переночевали там и на следующий день достигли Чомронга. Ну, это селение по горным меркам уже «рай»: поблизости находятся «хот спрингс» – горячие источники на берегу реки Марди-кола, по дороге растут лимонные и мандариновые деревья. Сон в тепле и уюте – отличное лекарство. Я, конечно, не ложусь на левый бок, а Валера меняет бинты на голове и мажет руку целебной мазью. Но в целом здоровье выравнивается. Снится мне Александр Вертинский, тягуче грассирующий:

*В бананово-лимонном Сингапуре, в бури,
Когда поёт и плачет океан
И гонит в ослепительной лазури
Птиц дальний караван...*

Через пару дней мы вроде бы в основном выздоровели. Настолько, что опять вернулись на «четыре двести», а потом несколько раз выходили в следующий промежуточный лагерь, высматривая возвращение наших ребят. Высмотрели, не прозевали и помогли, как могли, на спуске.

Бряд ли тебе, дорогой читатель, приходилось близко видеть людей, только что вернувшихся с восьмидесятики. Имеются в виду сошедшие успешно, о других сейчас говорить не будем. Ну, как это описать? У альпинистов средней «мясной» категории – семидесяти-восьмидесяти килограммов веса – не менее десяти кило как не бывало. Хриплый, простуженный насквозь голос звучит тихо и трудно. Скелетообразное лицо, хоть и мазано-перемазано защитными кремами и закрыто масками, всё равно напоминает ощипанную курицу, да ещё в стружьях...

Что первым делом запросила четвёрка в Чомронге? Пива! Потом поесть. Потом сутки спали и только после этого Володя, как руководитель восхождения, начал рассказывать о самом главном, как всегда коротко и скупно:

– Когда вы ушли, мы хорошо продвинулись вверх и поставили лагерь «четыре». Ночью разыгралась буря, спать было невозможно. Нас добила в переносном смысле и чуть не добила в буквальном камни, полетевшие со склона на палатку. Её продырявило, а нас чудесным образом практически не задело. Но мы замёрзли и измучились. Пришлось вновь вернуться в лагерь «три», чтобы немножко восстановиться.

Потом опять пошли в сторону вершины, оборудовали штурмовой лагерь. В день штурма я попытался вылезти из палатки в семь утра. Но даже хорошее пуховое снаряжение не спасало от тридцатиградусного мороза с порывистым ветром. Пришлось снова залезть в палатку и ждать первых лучей солнца. Оно взошло, стало теплее, и мы пошли вверх, еле-еле передвигая ноги. Я смотрел на ребят и опасался за их и своё мышление: недостаток кислорода действовал на мозг, на ощущения. Всё воспринималось в сумеречном состоянии, даже себя я видел и чувствовал будто со стороны.

Наконец, поняли, что под нами больше ничего нет, значит, это вершина. Принято считать, что в такой момент все победители смеются и плачут от счастья. Как сказать... Облегчение чувствовалось, да. Огромное облегчение от того, что больше не надо идти наверх. Смеяться мешала отупелость и полная выжатость организма. Держимся на остром ледовом гребне и думаем, как бы не сдуло шквальным ветром. Но что-то греет внутри: всё-таки мы на Аннапурне. Остаётся только выжить на спуске.

До палатки спускались в темноте. В рукавицах работалось трудно, и при заправке верёвки в спусковое устройство приходилось их снимать. Кожа прилипла к металлу. Потом пошёл снег, и мы заблудились. Руки и ноги начинали неметь. И вот... мы здесь! Намастэ!..

Мы спим, едим, выпиваем. Денег у нас негусто, и по инициативе Володи начинаем загонять снаряжение. За копейки, понятный вопрос. В этом лоджи пару карабинов за пиво, в другом ботинки за обед с кукри-ромом.

– А как же следующий сезон?

– Ну, ты сказал! Мы в живых остались! И дело сделали! А снаряга всё равно поизносились, новую надо покупать...

Вспомнили и семьдесят девятый год, и шаровую молнию, и тех, кого уже нет с нами...

И сделано, и пройдено немало,
Сезон не первый близится к концу,
Но, слава богу, сил пока хватало,
И седина пока была к лицу.

И, пусть не просто, женщины и горы
Пока сдавались с плачем и дождём,
А трещин и желаний коридоры
Пока давали лезть своим путём.

Нога скользит, рывок. Грудная клетка
О камни бьётся и трещит в бок.
И кости – к чёрту: а, привет и метка
От дамы той – ну что ж, merci beaucoup.

Спасибо, обошлось, не помер сдуру,
И путь пока отсрочен на прикол.
Раз так – давайте выпьем, вспомним Юру,
Ночь, непогоду, лагерь Узункол.

ГЛАВА III

Альпинистка моя

Как-то забыл я рассказать о важном подарке. Когда мы прощались в Улан-Баторском монастыре Гандан с Тенцзином, он вдруг спросил:

– У вас есть семья?

– Ну, есть: мать, отец, брат...

– Это прекрасно! Наверное, вы ещё не женаты?

– Нет, пока не женат...

– Я вам завидую: всё впереди – жена, дети. Я желаю, чтобы у вас было много детей! Я желаю здоровья вашим родителям. Вот мы беседовали о счастье. Я желаю счастья вашей семье, в каком бы составе она ни была. И у меня даже есть рецепт семейного счастья. Хотите?

– Конечно, хочу! – ответил я, улыбаясь.

Тенцзин достал и вручил мне свиток с текстом на тонком холсте; с орнаментом, деревянными палочками, кисточками – в общем, «украшалками», что приняты у буддистов. И пояснил:

– Отлично, что вы улыбаетесь. Даже если не верите в мой рецепт. Но это и не требуется. Вы неизбежно будете думать о семье на протяжении всей своей жизни. Сожалеть, если в семье возникнут проблемы. Радоваться совместным удачам. Но в каждом случае вспомните про этот свиток, достаньте и прочтите его. Когда-то сказанное там покажется вам банальным, а когда-то полезным. Не исключено, что со временем выучите содержание свитка наизусть. Но всё равно открывайте свиток и перечитывайте, себе и близким. Изложенные там простые истины откроют новые глубины и помогут вам...

Всё произошло так, как говорил Тенцзин. Я пробежал свиток глазами и спрятал, даже и забыл, куда. Но спустя несколько лет, вспомнил о нём, стал искать, нашёл, прочитал повнимательнее и подумал: «Да, что-то в этом есть». Потом перечитывал снова. «Рецепт» с этого свитка привожу в том виде, в каком он попал ко мне, – на английском языке и в том расположении, в котором текст присутствует на свитке. Уверен, что не всё поддаётся переводу и реконструкции – не в этом тексте, а в принципе. Думаю, что перевод передаёт видение того человека, который чужой язык излагает на своём. Но совсем не авторское видение! Помните, я пытался перевести мантру «Ом, мани, падме, хум»? Является ли мой перевод смыслом мантры? Нет, это моё представление о ней. А сейчас ищите свои смыслы:

GOOD HEART

A good heart is both important
and effective in daily life.
If in a small family,
even without children,
the members have a warm heart
for each other, a peaceful
atmosphere will be created.
However, if one of the persons
feels angry, immediately the
atmosphere in the house
becomes tense...

Не сомневаюсь, что сей «манускрипт» каждый легко прочтёт, расшифрует и сделает правильные выводы. Какие? Ну, для кого как... К тому моменту, когда для меня остро встал вопрос о peaceful atmosphere в семье, я был довольно крепко привязан к горам, предпочитая Гималаи, и полагал, что они не станут препятствием для хороших отношений с супругой. Чтобы укрепить такую уверен-

ность, потащил первую жену в горы. И она поддержала мои романтические устремления! И было у нас обоих good heart!

Но это на первых порах. А потом родился ребёнок, и с ним, особенно с маленьким, отдыхать следовало на равнине. Но я продолжал свои путешествия, одновременно предлагая жене «заделать второго». Но супруга включила good brain: «Ага, ты будешь ходить по горам, а я – сидеть с твоими детьми! Нет уж!» И warm heart for each other начало помаленьку остывать, пока не остыло совсем.

Поэтому, обдумывая второй и, как хотелось надеяться, финальный брак, я опять достал свиток и крепко задумался. Ну, есть ведь, как писал поэт, в русских селеньях женщины, жёны притом?! Которые коня останоят, в горящую избу войдут и... в горы пойдут? Разделяющие с мужьями их образ жизни. Откуда такие берутся и как получаются? Что помогает сохранить доброе сердце? И начал я вспоминать. Тех уникальных женщин, с кем был знаком сам или про кого рассказывали мне их близкие.

Таисия. В тысяча девятьсот тридцать третьем году Центральный совет общества пролетарско-го туризма, возглавляемый наркомом Николаем Крыленко, организовал весьма серьёзный по сложности лыжный поход через перевалы Главного Кавказского хребта с восхождением на Эльбрус. В числе семи участников похода была одна женщина – тридцатитрёхлетняя преподавательница физкультуры из Москвы Таисия. Если летом восхождение на Эльбрус в хорошую погоду – прогулка для физически крепких людей, то в марте гора холодная, ветреная, ледяная, то есть весьма неудобная и для опытных альпинистов. Ребята рубили ступени, ставили перила, срывались на крутом склоне, ночевали в палатках в тридцатиградусный мороз. На седловине Эльбруса вынужденно остановились на ночлег. Высота седловины составляет пять тысяч триста метров; летом до вершины, которая находится тремястами метрами выше, час-полтора хода. Ну, то ж лето. А зимой можно забираться сколько угодно и не взойти совсем. Утром заболевший руководитель группы Алёша не смог выйти из палатки и умер...

Что дальше? Альпинисты слеплены не из того теста, что большинство других людей. Дальше Таисия получила звание мастера спорта СССР, покорила десятки вершин, работала в альплагерях. И, что было важно для моего тогдашнего мини-исследования, у неё сложилась прекрасная семейная жизнь! Оставалось раскусить секрет истории, в которой дочка сельского телеграфиста из Самарской губернии стала горовосходительницей. Секрет заключался как раз в семье и её тяге к риску, спорту, приключениям: родные братья Таисии стали циркачами; один – воздушным акробатом, другой – иллюзионистом. Случилось так, что не в иллюзиях, а в реальном пламени брат сгорел на очередном опасном представлении.

А хромой от рождения муж увлечениям жены не помешал? Отнюдь. Он дал супруге фору: вырос в чемпиона Сибири в тройном прыжке, горнолыжника, альпиниста, пловца и заслуженного тренера России по теннису. Экстремальные наклонности, позволявшие сохранять счастливые семьи, унаследовали и сыновья Таисии: Юрий стал альпинистом и, подобно отцу, тренером-теннисистом; Андрей – профессиональным мотогогонщиком. Но кроме семейных генов был, видно, и семейный рок: разбился на мотоцикле насмерть...

Люба. Сперва Люба училась в Нальчике, а поскольку горы находились рядом, втянулась в альпинистские занятия. В тысяча девятьсот тридцать пятом, ещё школьницей, возглавила отряд из тридцати двух девушек на первой альпиниаде Кабардино-Балкарии. Тем летом произошло событие, достойное книги рекордов Гиннеса: шестьсот тридцать восемь человек четырьмя колоннами взошли на восточную вершину Эльбруса, среди них и Любин отряд.

Примерно в это же время происходит событие, достойное исторических хроник двадцатого века, а в дальнейшем и внесённое в них: активисты неудавшегося восстания против надвигающегося фашизма в Австрии – члены военизированной организации «Щуцбунд» (Союз обороны) – эмигрировали в другие страны, скрываясь от преследований. Так в Советский Союз попал Фердинанд – впоследствии один из «отцов» советского альпинизма, основатель спасательной службы, мастер спорта и заслуженный тренер СССР. На почве альпинистских увлечений браваый молодой австриец и русская старшеклассница познакомились и через год, в тридцать шестом, восемнадцатилетняя Люба и двадцатидвухлетний Фердинанд поженились. Жили хорошо, и в горы ходили дружно, чему не по-

мешало рождение дочери. Счастливую жизнь горювосходительного семейства прервала начавшаяся война – тогда супругами заинтересовались в НКВД и разлучили их...

«...Меня доставили к самому республиканскому наркому, – вспоминала Люба. – Он сказал, что обстановка очень плохая, что немцы вот-вот займут кавказские перевалы, и предложил мне написать заявление добровольцем. Я написала, оставила дочку у мамы и стала проводником-медсестрой особого отряда НКВД. Мы вели разведку в горах Северного Кавказа, а затем налаживали альпинистскую подготовку в регулярных армейских частях...»

Что же готовил НКВД Фердинанду? Сначала допрос и «стенку», что ж другое могли предложить в то время австро-итальянцу по происхождению?! А потом... службу в особом отряде НКВД, только посерьезней, чем у Любы: отряд предназначался для специальных операций в тылу врага. Сначала на территории оккупированной Белоруссии, затем в Австрии, Италии, Югославии. В отдельных скупых записях «открытого типа» в личном деле и воспоминаниях встречаются слова «разведчик», «диверсант», «резидентура». А закрытые данные НКВД-КГБ остаются таковыми и до сих пор. Но не является тайной, что многие операции выполнялись Фердинандом в горах, с использованием альпинистских навыков. Получается, что война супругов разлучила? Хм, не совсем. О таинственной семейной жизни четы альпинистов в годы Великой Отечественной вспоминает дочь Фердинанда и Любы Светлана:

«...Сорок третий, победа под Сталинградом, фашисты бегут с Кавказа. Папа нашёл нас в Нальчике и вызвал в Москву. Очень хорошо помню переулочек у Елисеевского магазина, во дворе двухэтажный дом. Квартира, где в крошечной комнатке жила чудная, восхитительная бабушка – монашка Матрёша – и два громадных кота. У меня до сих пор эта квартира перед глазами: коридор, кухня без окон, в большой комнате на полу матрацы. Здесь, в перерывах между заданиями, находились отец и его товарищи. Из этой квартиры они уходили в фашистский тыл, сюда же возвращались. По возрасту папа был самый старший в отряде, только у него была семья...

Ночь. Звонок в дверь, я его не слышала, проснулась от маминого крика и выбежала в прихожую. Мама в обмороке в руках у чёрного фашиста. Я закричала, убежала, спряталась под кровать. От моего крика мама очнулась. «Скорее переоденься», – попросила она папу («фашистом» был он). Меня начали искать: «Света, Света, ты где?» Услышав папин голос, я перестала бояться и вылезла из-под кровати. «Где тот в чёрном?!» – спросила я папу. «Я его прогнал», – ответил отец. Отец говорил на правильном берлинском диалекте, ему очень шла эссовская форма – самый настоящий Фриц. Тогда я не знала, что «Фриц» – кодовое имя отца.

Мама рассказывала, что однажды, когда отряд в квартире бабушки Матрёши собрался за столом, а меня отправили в театр, по радио заиграли «Тёмную ночь». Папа пригласил маму, они танцевали. По мнению мамы, он танцевал бесподобно и не будь альпинистом, влюблённым в горы, на своей новой родине мог бы работать учителем танцев...

Грац, Австрия, девятое мая сорок пятого года. В этот день в город вошли советские войска. Отца едва не расстрелял свой же патруль. Акцент немецкий, документов нет. Поставили к стенке: «Раздавайся!» На форме была какая-то особая отметка, доказавшая, что он свой, это спасло...

Двадцать четвёртое июня – Парад Победы на Красной площади. Папа на гостевой трибуне. После военного состоялся физкультурный парад. Маму несли на земном шаре...

Летом сорок шестого семья едет в альплагерь «Домбай». Папа-Фердинанд – начальником учебной части, мама-Люба – инструктором...»

Галочка. Любу я встретил уже старенькой бабушкой и называл её, конечно, по имени-отчеству, Любовь Сергеевну. Так же, как Галину Константиновну – альпинистку следующего поколения, первую в СССР женщину – «снежного барса». Но думаю, что в памяти тех, кто её знал, она навсегда останется Галочкой. И вот с ней-то мы разговаривали уж прямо на волнующую меня тему peaceful atmosphere в семье и чуть пошире – об отношениях между женщиной и мужчиной вообще; и чуть поуже – о том же в горах.

Галочка воскрешала в памяти тысяча девятьсот семьдесят второй год, когда она, к тому времени мастер спорта международного класса, руководила первой в СССР женской экспедицией на семитысячный пик Евгении Корженевской на Памире. В четвёрке восходительниц была и Эльвира, которая станет героиней следующей истории:

«...Никого из команды не надо было ничему учить. Обладая неплохим опытом, мы хотели совершить полностью самостоятельное восхождение, без забросок и посторонней помощи. Последнюю ночёвку сделали на высоте шесть пятьсот и слишком рано на вершину идти не планировали – ждали, когда встанет солнышко. Каково же было наше удивление, когда возле палатки неизвестно откуда появился руководитель группы взаимодействия Герман с напарником. Взял рацию, связался с базовым лагерем и сообщает: «Девочки себя плохо чувствуют, бензин и продукты кончаются, предлагаю им спуститься вниз для отдыха».

Что за дела! Продуктов у нас с избытком – им же на пять восемьсот отдали две банки тушёнки и палку колбасы. Те ещё верёвку попросили для перил – и не стыдно одиннадцати здоровякам у женщин верёвку кланчить! «Значит, вниз», – командует лагерь. А мы собрались быстренько и дёрнули наверх.

Оглядываемся назад: мужики постояли и на спуск пошли. А-а-а-а... У нас слёзы в четыре ручья: бросили! Ну-у-у-у... и отлично: теперь уж точно сами зайдём! И зашли, несмотря на непогоду. В палатку вернулись усталые и замёрзшие, достали бутылку спирта. Выпьем и одни, раз мужиков нет! Не чистяком, конечно: плеснули спирт кто в чай, кто в кофе, кто в кисель. Отметили, в общем. Стихи начали читать, истории рассказывать всякие...

Было мне тогда прилично за сорок. Но письма писали и студенты, и солдаты, и даже впечатлительные ээки, предлагая дружбу, руку и сердце.

Труднее дался пик Победы. Сюда бы я чисто женской группой ни за что не пошла, слишком много погибло здесь людей в предыдущие годы. Я придерживаюсь такой точки зрения: пусть будут женские группы... в мужских экспедициях. Это не значит, что надо вечно прятаться за мужскую спину. Работая в альплагере инструктором, я всегда стремилась делать связки не смешанные, а мужские и женские. Пришла в горы – так работай! А то есть женщины – мастера спорта, ни разу первыми на маршруте не ходившие.

Пусть будет каждому своё. Мужики больше на горе поработают, зато на бивуаке девчонки их напоят-накормят, в щёчку поцелуют. Тот, глядишь, совсем оживёт, мол, давай продолжим. Ан нет, мы с тобой как братик и сестричка, спокойной ночи...

Про мужа интересуешься? Нет, дорогой мой, муж альпинистом не был. Может, поэтому и прожили недолго...»

Эльвира. Эльвиру я не знал, но знал её мужа Володю. Чтобы читатель не перепутал его с двумя другими Володями, уже упомянутыми в книге, назову этого достойного человека Володя-тренер. Про Эльвиру я слышал и от него, и не от него – от разных людей.

В августе семьдесят четвёртого Эльвира – мастер спорта и прекрасная альпинистская жена мастера спорта и прекрасного альпинистского мужа Володи-тренера – затеяла чисто женское, группой из восьми человек, восхождение на семитысячный памирский пик Ленина. Настолько «чисто», что в совместном с мужчинами лагере они огораживали свои палатки белыми камушками: стремились даже формально обособиться от мужской помощи и влияния.

Четвёртого августа Эльвира, находясь под вершиной, радировала группе взаимодействия: «Погода портится. Идёт снег. Это хорошо – заметёт следы. Чтобы не было разговоров, что мы поднимаемся по следам».

Сеанс связи пятого августа: «Мы вышли на вершину. Видимость плохая. Мы приняли решение поставить палатки».

Ещё через сутки: «Очень холодно. Мы хотели бы уйти вниз. Хотелось бы пригласить к радиостанции врача и проконсультироваться с ним. У нас заболела участница. Ещё одна участница неважно себя чувствует».

Следуют переговоры с врачом и приказ спускаться вниз. Ослабленные, в тумане и пурге, женщины начинают спуск. Потом умирает заболевшая Ирина, и на узком снежном гребешке вновь разбиваются палатки. В два часа ночи седьмого августа на вершину обрушивается ураган, который рвёт палатки в клочья, уносит часть одежды, опрокидывает примусы – информация об этом поступает на базу по утренней связи. Сразу же из лагеря на помощь женщинам выходит отряд, параллельно отправляются на поиски находящиеся на горе японские, французские, английские и австрийские альпинисты.

14.00: «У нас умерли двое».

15.00: «Нам очень холодно. Вырыть пещеру не можем».

В 21.12 на связи участница группы Галина: «Нас осталось двое. Сил больше нет. Через пятнадцать-двадцать минут нас не будет в живых...»

Восьмого августа, когда прояснилось, японцы нашли погибших. Восемь тел были разбросаны по предвершинному склону – от семи тысяч книзу метров на двести...

Через восемь лет, на «холодную голову», Володя-тренер написал в своей книге:

«...Я знаю принципы спортсменов этого сорта. Ничто не заставит их идти по следам предыдущей группы, даже угроза жизни. Они будут ждать, пока следы заметёт. Мы, мужики-альпинисты, посмеивались над такой щепетильностью. Они отвечали на это: мужчине, дескать, не понять того, что женщина всю жизнь стоит перед необходимостью доказывать своё истинное равноправие. В душе, мол, у женщины постоянно желание убедить, что женская жизнеспособность не уступает мужской. И в альпинизме женщины не нахлебницы, а равноправные восходители.

Они были бы правы во всём, будь они правы в главном – в равенстве женской и мужской жизнестойкости...»

Итак, четыре женские истории. Что позволили они понять мне, желающему всего-то-навсего разобраться в перспективах отношений со своей собственной любимой женщиной? И с тем, стоит тащить её в горы или нет? Истории не помогли мне найти простые ответы, а только увели в сложные противоречия и философские глубины. Впрочем, из них тоже можно кое-что извлечь. Попробую!

Когда муж и жена альпинисты – это способствует peaceful atmosphere? Да: в пользу данного тезиса свидетельствуют три истории из четырёх.

А когда один из супругов, мягко говоря, не разделяет увлечения другого? Тогда отношения могут дать трещину – такой вывод вроде бы вытекает из истории Галочки. Хотя только ли на почве альпинизма они разошлись с мужем? Откуда мне знать...

Но можно поставить вопрос иначе: «не разделяет увлечения?» Так значит, плохо увлекали! Вон как хорошо включает женщина в свои горные дела спутника и, по всей вероятности, возлюбленного, в песне Высоцкого «Скалолазка»:

Я спросил тебя: – Зачем идёте в горы вы? –

А ты к вершине шла, а ты рвалася в бой.

– Ведь Эльбрус и с самолёта видно здорово! –

Рассмеялась ты и взяла с собой.

Причём начиналось-то всё не очень гладко: «А потом, за эти проклятые трещины, когда ужин твой я нахваливал, получил я две короткие затрещины». И «каждый раз меня по трещинам выискивая, ты бранила меня, альпинистка моя». И была «неблизкая и неласковая». И герой песни готовился крикнуть: «Довольно, милая!» Но в конце-то концов родились у него другие мысли и слова:

Ох, какая же ты близкая и ласковая,

Альпинистка моя, скалолазка моя!

Мы теперь одной верёвкой связаны –

Стали оба мы скалолазами...

Красивая песня, правда? А хотите, расскажу, как она появилась на свет? Извольте. Жил-был режиссёр Станислав Говорухин. В молодости он увлекался альпинизмом и «дослужился» аж до второго разряда. Снимая фильм про горные вертикали, привлёк артистов, в частности Владимира Высоцкого, автора «Скалолазки», и Ларису Лужину, которая в перспективе могла таковой стать. Станислав Сергеевич даже водил Владимира и Ларису по крутым склонам, учил использовать кошки и зарубаться ледорубом, хотя в фильме они играли, соответственно, радиста и врача. Но не увлеклись они альпинизмом – ни тот, ни другая... Так что романтическая песня существовала сама по себе, а жизнь рядом с этой песней шла своим путём. Выходит, Говорухин плохо увлекал? Думаю, он делал это очень умело, со всем своим мужским шармом и режиссёрским талантом, но... не сработало.

Однако есть, мне кажется, в характере женщины один момент, который многократно перевесит предыдущие догадки. И если мужчина этот момент не учтёт, то и peaceful atmosphere не сложится – она, напротив, becomes tense... Суть момента вот в чём: женщина зримо и заметно – часто, а вну-

тренне и скрыто – всегда стремится доказать, что «право имеет». Если вы это право и стремление поддержите, в горах ли, в подземелье, в подводном царстве, то и будет вам любовь. А если она к тому же добьётся желаемого, то в придачу к любви разделите с дамой почёт от окружающих. В этой связи будет уместна история пятая, непальская.

Пасанг. К тысяча девятьсот девяносто третьему году Эверест – самая высокая вершина в мире, все ещё оставалась нетронутой территорией для непальских женщин. Но особы прекрасного пола из других стран, сильные телом и духом, числом шестнадцать, восьмитысячник уже «трогали» и даже преодолевали, бросая вызов суперменам-мужчинам. Наконец, в апреле девяносто третьего Пасанг, тридцати одного года, совершила то, чего не удавалось ни одной непальской женщине и чего достигли не так много непальских мужчин. Оценивая данное событие, можно сделать два совершенно противоположных вывода, оба «железно» правильных.

Первый: фантастично, что такое стало возможным в стране, где женщинам всегда отводилась сугубо второстепенная, подчинённая, домашняя роль. И «право имею» в большинстве случаев не принималось во внимание.

Второй: именно в такой стране подобное стало возможным, и странно, что это не произошло раньше.

Не знаю, насколько это корректно, но очень хочется перефразировать под эти размышления текст родного Александра Сергеевича, меняя в строках из «Евгения Онегина» всего одно слово:

... Давно горы воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пицци роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Гора ждала... кого-нибудь,
И дождалась...

То есть, образно говоря, вопрос назрел: гора дождалась своей непальской героини. А если не образно, а совершенно конкретно и объективно, то всё, применительно к Пасанг, этому способствовало. Смотрите: она родилась в деревне Сарке в районе Солохумбу, то есть именно на той территории, где расположены национальный парк Сагарматха и одноимённая вершина с тибетским названием Джомолунгма, а европейским – Эверест. Где же могла более удачно родиться будущая восходительница?!

Пасанг принадлежала к народности «шерпа», генами и опытом предрасположенной к работе в горах, будь то переноска грузов или экстремальные восхождения. Шерпами были её муж Лхакпа и отец Пурба – отважный горный проводник. Откуда же ещё выходят самые стойкие непальские портеры, сирдары и клаймеры?!

Помогая своим родителям и наблюдая альпинистов, проходящих мимо её деревни, Пасанг смотрела на заснеженные Гималаи не взором мечтателя-созерцателя, а глазами человека, который однажды возьмёт рюкзак, снаряжение и отправится на покорение вершин.

Но так сложилось, что после замужества Пасанг уехала в Катманду. В начавшейся семейной жизни неизбежного внимания требовал супруг, много времени занимал дом. А потом и дети пошли, целых трое: две девочки и один мальчик, которых нужно было кормить, одевать, воспитывать. Жизнь вошла в свою размеренную колею...

Да вот и нет! «Право имею» теплилось внутри, не отпускало, разгоралось и всё активнее просилось наружу. Как должен был поступить обычный муж в пуританской стране? Погасить шальной огонь! Привязать жену: к городу, к кухне, к детям. Но такой уж оказался супруг, что поддержал. Так поддержал, что Пасанг сумела посетить далёкую Францию и взойти на Монблан, затем взяла несколько престижных вершин в близком Непале и, наконец, предприняла три попытки восхождения на Эверест, к сожалению, неудачные.

Муж не просто поддержал – он гордился женой и помогал изо всех сил!

Пасанг была крепка физически: отец и братья отмечали её силовые качества и говорили, что Пасанг работает дома и на горе не хуже любого мужчины. Но не менее важным двигателем стало

духовное начало этой женщины. Если, как вы помните, англичанин Уилсон уверовал в религиозные чудеса и хотел доказать, что человек сможет достичь самой трудной цели, когда истинно уверует в Бога, то для Пасанг стимулом стало другое:

«...Я не родилась альпинисткой, – сказала она на пресс-конференции перед восхождением. – Я мать. Я домохозяйка. Но я делаю *это*, чтобы вдохновить других женщин».

«...Моя мать – женщина, которая осмелилась мечтать и достичь вершины мира. Она научила меня никогда не бояться пробовать, – говорит Дава, старшая дочь Пасанг. – Я думаю, что она хотела быть той фигурой, на которую женщины, дети могли бы взглянуть и сказать друг другу: “Ты тоже можешь сделать это”».

Пасанг сделала. Она добилась своей запредельной для женщины цели. Утром двадцать второго апреля в сопровождении группы опытных шерпов-мужчин молодая женщина поднялась на вершину Эвереста и подняла флаг Непала. Её переполняла радость, она благодарила Бога, близких; всех тех, кто поддержал амбициозное стремление.

Пасанг начала спуск и... пропала. Женщину, гордость собственной семьи и звезду Непала на все последующие времена, нашли через восемнадцать дней на высоте около восьми тысяч семисот метров...

Так о чём я хотел сказать, о женщине? Да. И о добром сердце. И о семейном счастье. И ещё... о русских альпинистах. Как? Откуда они взялись? Их же не было в команде Пасанг?! Точно, не было. Но дальнейшая история отважной женщины каким-то мистическим образом оказалась связанной с русскими. Потому что «природа мудра и Всевышнего глаз видит каждый наш шаг на тернистой дороге...»

ГЛАВА IV

Расстрел

В субботу первого июня десятый король Непала Бир – живой бог Вишну, обаятельно улыбаясь, вошёл в столовый зал своего дворца Нараянхити. В белых брюках, клетчатой пилотке, роговых очках. Король предвкушал тёплый семейный обед. Он считал, что в семействе существует хороший уровень взаимопонимания и уважения. Да, бывают некоторые несогласия, трения, даже эмоциональные вспышки настроений. Но это никак не может разрушить отношения между людьми, объединёнными священной сущностью и божественной связью.

Бир любил свою жену Айш – вот она, по-прежнему статная и красивая, почти такая, какой он встретил её более тридцати лет назад. Сегодня Айш намерена в очередной раз серьёзно поговорить с их старшим сыном принцем Дипом. Королю не очень приятно об этом думать, так как разговор вряд ли будет простым. Впрочем, хватит о проблемах, проблемы неизбежны, без них не обходится жизнь и королей, и простолудинов.

Бир хотел бы видеть на обеде и брата Гьяна – король был к нему расположен, хотя Гьян как-то странно вёл себя в последние годы: уклонялся от откровенных бесед, избегал встреч. И сегодня его не будет: Гьян известил, что уезжает по делам в Покхару. Но его супруга Ком и сын Пар здесь.

Ком – копия Айш, и в этом нет ничего удивительного: они родные сестры. Король привык к этой женщине за многие годы общения и считал Ком членом семьи в большей степени, чем этого требовали формальности.

Пар – всегда деликатный, улыбчивый молодой человек, избегающий споров и вообще острых углов. На его лице никогда не заметишь раздражения и даже неудовольствия: Пар выражает неизменную готовность выслушать и понять собеседника. Королю приятно, что его младший сын, любимец семьи Нирад, легко находит общий язык с Паром, кузены дружелюбны друг к другу – вот и сейчас они оживлённо беседуют. Нираду двадцать два года, а Пару тридцать. Лет десять назад такая разница в возрасте разделяла их как взрослого и ребёнка, однако теперь они общаются на равных.

Но больше всех король любил всё-таки старшего сына Дипа. И за сходство с собой во внешности, и за похожий характер. У Бира он такой же взрывной, но скрытый внутри, а у Дипа периодически бурно вырывается наружу. Но в целом он сын своего отца, во многом повторяющий его путь. Король тоже учился в британском Итоне и, прежде чем стать уважаемым монархом, не чурался

удовольствий. Вкусил такие прелести жизни, о которых не принято говорить в окружении монарха, а тем более среди подданных.

Дип гоняет на джипах и даже на вертолётах, хотя Айш считает это рискованным занятием. Она просто забыла, да и вообще мало знала о том, что сам Бир нередко просил шофёра уступить ему место за рулём «мерседеса» и «летал» на авто с запредельными скоростями. А уж прыжки с парашютом для короля и вовсе были рядовой забавой.

Да, Дип увлекается алкоголем, курит марихуану, палит из всего, что подвернётся под руку, но что с того? Это ли не признак настоящего мужчины?! Он прекрасно справляется с обязанностями главнокомандующего армией, и король со всё большей готовностью и всё меньшими опасениями передаёт ему свои полномочия во время отъездов.

Эта история с Деви... Айш так переживает. Но Бир уверен, что всё образуется. Сегодня они поговорят и наверняка договорятся: Дип умен и честолюбив, он не станет жертвовать своим положением и перспективами ради мимолётного увлечения. Впрочем, какое же оно мимолётное, если Дип и Деви вместе десять с лишним лет... Но тем лучше: любая женщина в конце концов надоедает, и расстаться с ней через такой срок легче, чем, например, через год. Только бы Айш не начала предъявлять свои ультиматумы: или то, или это... Неужели нельзя найти какие-то компромиссы...

Королева Айш, встречая гостей, изображала на лице улыбку, пусть и давалось это с трудом. Предстоял непростой разговор с сыном. Она не забыла о том, что бесед, в том числе сложных, и прежде состоялось немало, но надеялась именно сегодня, что называется, подвести черту.

Проблемы с сыном далеко выходили за пределы личных предпочтений членов королевской семьи. Избранница Дипа принадлежит к роду Рана, но именно этого Айш никак не может допустить. Потому что король Бир из рода Шах. И борьба за власть в стране между Шах и Рана исчисляется столетиями. В течение веков род Рана фактически правил страной, будучи «гнездом» потомственных премьер-министров, и являлся исконным врагом королевского рода Шах.

Парадокс в том, что Айш, дочь генерала непальской армии, сама принадлежит к роду Рана. Кошмар, но Деви – её дальняя родственница! Но и королева, и её младшая сестра Ком безоговорочно приняли сторону короля. При этом действиями Айш управляли не подчинённость и расчёт, а искренняя любовь к супругу. Всеми силами королева стремилась разрешить конфликт в его пользу. Но что же будет, если женой кронпринца станет дочь оппозиционного королю министра, даже бывшего?

Один из родственников как-то спросил Айш, читала ли она «Ромео и Джульетту» Шекспира. Глупец и невежа, он даже не знал, что задаёт этот некорректный вопрос поэтессе Шандани Шах – именно так королева подписывала свои стихотворные и прозаические тексты. Она читала! И она думала о Монтекки и Капулетти, когда искала пути выхода из семейных проблем. Но была искренне уверена, что *там* – совсем другое.

Плюс эта злополучная Деви! Судя по всему, она потворствует вредным пристрастиям Дипа. Айш, в отличие от Деви, Дипа и его отца, училась не в развращённом Лондоне, а в лучшем непальском женском колледже Святой Марии, а затем индийском монастыре Святой Елены. Викторианское воспитание, любовь к хорошему чтению и классической музыке не позволяли ей смириться с низкопробными, коими она их считала, увлечениями сына.

Добрым увещаниям Дип не последовал, никаких результатов они не дали. Что ж, сегодня придётся поставить ультиматум: либо брак с Деви, и тогда Дип моментально станет никем, либо избранница из рода Шах и трон. А что ж, и первое решение не просто угроза, а очень возможный вариант. Чем плох Нирад как претендент на трон?! Бир будет править ещё долго, и к нужному моменту мальчик вполне созреет для того, чтобы занять королевский престол. Правда, есть ещё Гьян и Пар... Но думы о них королева от себя отгоняла.

Рассуждая таким образом, Айш понимала, что эти мысли – лишь половина огромной силы, которая толкала её на жёсткие решения. А может быть, и меньше половины. Настолько меньше, что можно было бы, пересилив себя, принять другое решение: пусть Дип поступает как хочет и будет счастлив.

Но второй половиной силы... А точнее, гораздо большей частью, были предсказания астрологов. Эти персоны – не комедийные садху, а те, кто стоит между людьми и богами и кому дано видеть воздействие небесных тел на земной мир и человека; а значит – понимать и передавать волю богов. В Непале функции астролога и священнослужителя неразделимы и выполняются одним и тем же лицом. Монах-астролог фиксирует время рождения младенца и составляет для него гороскоп – ука-

зания звёздного неба, которые в дальнейшем регламентируют многие события в жизни человека, включая и брак.

Мнениям астрологов королева верила беспрекословно. Как не верить, если их предсказания становились явью. А какие не сбывались? Все сбывались! Ещё в древности астрологи говорили, что ни один король Непала не проживёт больше пятидесяти пяти лет. И отец Бира, король Мах, умер в возрасте пятидесяти двух. Дед, король Триб, ушёл из жизни в возрасте сорока девяти. Впрочем, король Бир уже отметил свои пятьдесят пять... Но, видимо, в расчёты астрологов вкралась ошибка, которые чрезвычайно редко, но всё же случаются. А скорее всего, никакой ошибки нет: королевская семья своим достойным поведением избавилась от злого рока.

Испытывая в душе ненависть к Деви, Айш пошла к астрологам за советом. Они подтвердили то, о чём королева догадывалась и без помощи звёзд: гороскопы Деви и Дипа не были космически синхронизированы, отсюда их брак не обещал ничего хорошего, а всей королевской семье сулил несчастья. Если же говорить конкретнее, то астрологи заключили: в случае женитьбы Дипа и появления у него детей раньше двадцать седьмого июня две тысячи шестого года, правление династии Шахов прервётся. Получается, что, если, в конце концов, беседа с сыном зайдёт в тупик, можно так и сказать: «Дип, подожди, это всего пять лет, они пролетят быстро...»

В таком настроении царствующие супруги раскланивались с прибывающими членами семейства и начинали волноваться, поскольку Дипа среди них не было.

О, появился! Красавец! Несмотря ни на что, он – достойный сын божественных родителей. Дип, кажется, немного пьян. Ничего страшного! Это можно простить взрослому человеку, которому через три недели исполнится тридцать...

В преддверии обеда члены семейства сидели в гостиной, прохаживались по парку, пробовали предложенные напитки. Дип по обыкновению налегал на виски. Он предчувствовал тяжёлый разговор с матерью и, стремясь отвлечься, гонял шары на бильярдном столе. Айш подошла и тихо попросила отойти с ней в беседку. Дип хлебнул ещё и согласился. Беседа продолжалась недолго. Не слушая осторожную прелюдию матери к судьбоносному разговору, он грубо заявил, что родители зря стараются: Дип уже женат. Королева вскрикнула, закрыла глаза руками, потом подобралась и с лицом, искажённым гневом, быстрым шагом направилась к Биру.

Кронпринц вернулся к бильярду, сделал пару ударов, затем резко бросил кий на стол и запальчиво прокричал что-то удалявшейся к супругу королеве. Потом приблизился к отцу и, не обращая внимания на подошедшую мать, начал осыпать его руганью. Досталось и родне, пытавшейся утихомирить молодого человека.

Тогда Бир подозвал Нирада и Пару, которые продолжали беседовать поблизости, и попросил проводить Дипа в его покои:

«Ты устал, сын, тебе надо отдохнуть. Не волнуйся и не обижай мать: сегодня вечером, когда ты будешь чувствовать себя лучше, или завтра утром – как тебе будет удобно, мы продолжим разговор и обязательно найдём приемлемое решение».

Обед начался, подали оленину...

Продолжая браниться, Дип последовал за братьями в свои комнаты. Нирад и Пар посчитали правильным остаться с принцем на некоторое время, попытались присесть и завязать отвлечённую беседу. Но Дип воспротивился их намерениям: сначала благодарил братьев и просил уйти, а затем просто вытолкнул их за дверь и запер её изнутри. Кузнам ничего не оставалось, как вернуться к гостям.

Оставшись один, Дип опять плеснул себе виски, однако пить не стал. Что виски? Принц с пятнадцати лет употребляет этот напиток. Сначала он приводил к приятному состоянию опьянения, потом вдохновлял на «подвиги». Наконец, когда начали появляться жизненные проблемы, с помощью виски можно было забыться, отвлечься, как во сне, так и наяву. Теперь виски только грузит, не приводя ни к каким приятным ощущениям. Каждый новый стакан требует следующего, а всё выпитое вместе вызывает уже не сладкий сон, а полусонный бред, тяжёлую ночь и утреннюю ломку.

Впрочем, смотря с кем пить. С русскими ребятами пить было весело. Он помнит их ещё по Итону, когда все были моложе. Отлично тогда повеселились, а когда они сдрейфили перед кукри-ножом – это вообще умора. В принципе, парни не из трусливых и такие азартные! Легко заводятся и в уныние не впадают как эти европейцы или американцы с кислыми рожами или натянутыми улыбками. Напротив, с удовольствием ловят кайф, поддерживают разговор, смеются, поют песни. Здорово сходили

с Алексом на охоту: он так живо интересовался жизнью слонов, а Дип обрадовался шансу продемонстрировать свои опыт и удачу. Как-то не к месту втёрся этот Петрус – никуда от него не денешься...

Марихуана? Марихуану он курит с детства. В Непале листья конопли никогда не считались наркотиком. Хотя сейчас марихуану запретили. Под влиянием дурацких мировых норм здоровья и морали. Но вот Голландия плюёт на эти нормы, а мы стремимся угодить непонятно кому. Какой умник объяснил вредное воздействие марихуаны? Нет никакого вреда! Эйфория, умиротворение, весёлый настрой, свежесть мысли, хороший аппетит – кому это мешает? Конечно, если перебрать... Так не надо обкуриваться до потери памяти! Если выпить ведро воды, тоже, вероятно, станет плохо. Но вдыхать марихуану надоело: как и в случае с виски, позитивный эффект исчез.

Гашиш, конечно, будет покруче. Но тут без Петруса не обойтись: в отличие от листьев марихуаны, которые нужно просто размельчить, гашиш требует навыков опытного кулинара, если здесь применимо такое сравнение. Разумеется, искусством приготовления курева наверняка владеют многие слуги, но обращаться к ним неудобно. Другое дело Петрус. У него подготовка гашиша – целая церемония. Впрочем, есть и несложный вариант: нагреть комочек зелья, раскрошить, смешать с табаком, набить косяк. И получатся особые, с виду не отличимые от обычных, сигареты. Вот они лежат у него в столе. Закурить?

Или принять таблетку? С «колёсами» познакомил опять же Петрус. Дип пока не очень понял, что же содержится в «колесе», но не яд же. Ощущения, конечно, непередаваемые. Во-первых, успокаиваешься. Во-вторых, становишься способным чётко видеть мир со всеми его нюансами и принимать решения, до которых в другом состоянии не додуматься. Да!

Запив таблетку виски – двойной эффект поинтереснее одинарного, – Дип набрал номер Деви. Обменявшись словами любви и нежности, – они не иссякли за долгие годы знакомства, – молодые люди неизбежно вышли на волнующую проблему.

– «Я не остановлюсь ни перед чем, лишь бы мы оставались вместе. Лишат трона? Пусть попробуют! Да я... Помнишь, о чём мы говорили в Австралии? Что? Ты боишься? Хочешь уехать? Куда? В Индию? И даже в Россию? Ха-ха! У меня есть русские друзья, они помогут. Но, надеюсь, это шутка.

Подожди, любимая. Совсем немного. Раз они не желают по-хорошему, всё произойдёт по-другому. Что я намерен сделать? Не волнуйся, моё солнце. Главное, чтобы ничто и никто нас не разъединили...»

Дип бросил трубку. Тихо! Надо успокоиться. И снять генеральский мундир. Шикарный мундир. Он заслужил эти ордена. Эти эполеты. Эти звёзды! А *они* обращаются с ним как с ребёнком. Этот самодовольный боров-король – как он надоел. Миротворец! Ведёт скрытые переговоры с маоистами, которых давно следовало перебить – всех до одного! А стареющая красотка? Сплошное лицемерие! Заботится только о себе. Она даже не понимает, что от красоты уже ничего не осталось, вот и завидует, и вставляет палки в колёса...

Дип подошёл к шкапам и витринам с оружием. Гордость принца! Он собирал эту огнедышащую коллекцию много лет и гордился ей. Подобной нет ни у кого в Непале. А в мире? Может, и в мире. Сколько раз он демонстрировал своё искусство стрельбы перед самыми взыскательными экспертами, и все они соглашались, что в этом мастерстве ему тоже нет равных.

Ну, посмотрим, посмотрим... Принц открыл оружейный шкаф. Взгляд упал на пистолет-пулемёт Heckler&Koch MP5. Классная штука. Немцы не дураки. Автомат разработан более тридцати лет назад, и теперь десятки стран взяли его на вооружение. Шикарен для ближнего боя. Бьёт и одиночными выстрелами, и длинными очередями. А можно переключить на режим коротких очередей – по три патрона. Да, это в самый раз. Потому что если стрелять длинной очередью без остановки, то весь магазин вылетит меньше чем за секунду. Кстати, и с магазинами есть выбор – пятнадцать патронов или тридцать. Тридцать будет нормально.

Знаменитая «американка» M-16. Она только называется винтовкой, на самом же деле работает и как автомат – те же очереди по три патрона. Её справедливо сравнивают с русским «калашом». Да, та же устойчивость пули во время полёта. И «кувыркание» в теле при попадании в живую цель, в результате чего входная дырка получается с горошину, а выходная – с блюдце. По точности стрельбы M-16, пожалуй, лучше АК-47, если винтовка находится в руках опытного бойца. Но когда она используется стрелками среднего уровня подготовки, то для них «калашников» более приемлем: с этим автоматом можно делать что угодно и где угодно. Окажись принц в воде, в песчаной пустыне, он, конечно, выбрал бы это знаменитое оружие. Потому что «американка» капризна и в сложных

природных и погодных условиях может не сработать. Дип не «средний», он профессионал, а погода отличная. И принц выбирает М-16.

Генерал берёт в руки и бережно поглаживает следующий экземпляр из своего оружейного «музея». Franchi SPAS-12. «Итальянец». Помпа или самозаряд – всё возможно, выбирай режим какой угодно. Занятная штука. Можно взять за пистолетную рукоятку и палить одной рукой. В принципе, винтовка тяжеловата для такой стрельбы, но не для Дипа. Пуля у «итальянца» не «кувыркается» в корпусе – она просто сносит голову. Ну, слону вряд ли, зато волку и человеку – элементарно. У ружья есть даже прозвище: «Один выстрел – один труп». Жаль, что в магазине SPAS-12 всего восемь патронов. Но этого достаточно, чтобы попробовать и посмотреть на эффект.

А вот в гнёздах торчат пистолеты, каждый из которых представляет собой престижный оружейный бренд: большие и средние стволы – это Glock, Colt, Desert Eagle, Heckler&Koch USP, Стечкин; маленькие – Browning, Walther. Красиво смотрится, если один пистолет повесить слева, другой – справа. Зачем они? Ха-ха! Для ближнего боя! Только с кем...

Принц на мгновение отвлекся от созерцания арсенала: по телу прошла судорога, Дип вздрогнул. Он что, и в самом деле решился? А почему бы и нет! Не о таком ли шаге он всегда мечтал, боясь признаться даже себе? И разве не оправдан этот жестокий, но справедливый шаг? Почему он должен их любить, жалеть и прощать? Перебить к чёрту всю эту надоевшую свору! Страшно? Нет. Он давно не боится ничьей крови – ни звериной, ни человеческой. Втайне от отца и даже большинства находящихся рядом военных, он инкогнито участвовал в операциях против повстанцев. И не отказывал себе в удовольствии подстрелить очередного «маоиста». А отец заигрывает с ними! Он хочет быть для всех хорошим. Это точно сбудется: он станет очень хорошим на хорошем костре. Дип, по непальскому обычаю, сам поднесёт факел к погребальной поленнице, и сделает это не без удовольствия.

Что способно помешать замыслу принца? А ничего! Охрану дворца он подбирал сам, каждого из шестидесяти отборных вояк, этих прекрасно подготовленных бойцов, он знал лично. Да, есть заковырка: Дип не предупредил охрану, да и сам не знал, что произойдёт сегодня. Поэтому солдаты наверняка будут ошарашены и прибегут, услышав выстрелы. Но стрелять в него? Этот вариант исключается полностью.

А что случится *потом*? Его станут судить? Как бы не так! Это не прописано ни в каком законе. Ясно только одно: он – наследный принц и в случае смерти действующего короля становится новым королём. А народ – проглотит и прославит!

Деви? Деви поймёт и простит, потому что любит его...

Ну, что? Jay Mahakali, aayoo Gurkhali!

Дип появился на пороге столового зала королевского дворца. В спецназовском камуфляже, обвешанный оружием: автомат и винтовка на плече, помповое ружьё в руке, два пистолета на поясе. Он поднял «помпу» стволом вверх и выстрелил в окно, в сторону больших деревьев с висящими на них бэтс. Деревья стояли далеко, но сотни напуганных звуком тварей стали отрываться от веток и летать со зловещим писком над королевским парком.

Гости опешили, но скорее возмутились, чем испугались: скандал, непозволительный скандал! Кто-то прокричал, что надо вызвать охрану; Бир схватился за голову: опять придётся терпеть пьяные выходки принца – обед испорчен...

Дип посмотрел на отца. Вон он, главный виновник его бед и переживаний. Он умрёт первым.

«Что, не ожидал? – крикнул Дип королю. – Думал, что я бесконечно стану терпеть ваши издевательства? Хватит! Теперь моя очередь!»

Принц выстрелил в отца из винтовки, потом ещё. Пули попали в грудь и в живот, разорвали пиджак и рубашку; король упал, обрызгивая кровью скатерть, столовые приборы, обои, стоящих поблизости родственников. Однако Бир остался жив, пытался встать и отползти в сторону, произнося губами с пузырящейся пеной бессвязные слова.

А гости вновь не поверили – не в случившееся, а в то, что с ними поступят так же. Те, кто видел выстрелы, вероятно, подумали, что Дип хотел отомстить за что-то отцу. И эта страшная месть произошла. Жуткий конец монарха! Но они-то здесь ни при чём...

Те, кто не видел, даже прибежали на выстрел из других частей здания и из парка, стремясь понять, что случилось.

Смысл происходящего в полной мере осознавала Айш. Она бросилась к сыну с криком:

«Умоляю тебя, остановись! Я на всё согласна».

И Нирад в полной мере воспринял опасность: он был уверен, что Дип выстрелит и в мать, что её уже ничего не спасёт, кроме... Пытаясь защитить Айш и сознавая, что это может стоить ему жизни, Нирад встал перед принцем, раскинув руки и закрыв собой королеву.

«А, маленький щенок! Ты хотел получить корону. Возможно, вы с мамашей уже примеряли её на тебя. Поздравляю, ты дождался своего».

С этими словами Дип выстрелил из «помпы» в младшего брата. Словно простынку на ветру, Нирада приподняло над землёй, порвало и отбросило в сторону. В отличие от отца, он погиб сразу. Это было вполне ожидаемым результатом выстрела, но дальнейшее сильно удивило Дипа.

«О! Да это не всё! Spas-12 и вправду солидная штука».

А случилось следующее: пуля прошла через Нирада и ударила в Айш. Королева покачнулась, глаза налились ужасом, она чувствовала пулю, которая вошла в тело и, будучи на излёте, застряла близко под кожей.

«Ну, привет, старая ведьма! Ты хотела выгнать меня из дворца и оставить ни с чем. Но я благодарный сын и сейчас преподнесу тебе подарок».

Принц нажал на курок, пуля ударила Айш в лицо и раздробила полголовы. Осколки черепа разлетались в стороны, оседая на мебели и не доставая теперь до людей, которые выбрались в парк и разбежались по кустам и беседкам.

«Спасибо, подружка, ты сделала своё дело!»

Дип отбросил винтовку: это же не стрелковый тир, в конце концов, где можно лечь, прицелиться и не спеша выстрелить – здесь охота на убегающих зайцев, поэтому подойдёт автомат. По три патрона! Великолепный расчёт! Именно так. И не слишком торопясь, вышел в парк вслед за беглецами.

Среди деревьев, ближе всех к принцу, пытались спрятаться какие-то женщины. Ускорив шаг, он узнал сестёр отца, Шант и Шар.

«Зачем вы здесь, тётеньки? Вы пришли покушать? Не-е-т, вы пришли поддержать добряка-братца в его злодейском решении. Вы не притронулись к еде и голодны. Ничего, я вас накормлю».

Три пули – раз. Три пули – два. Сестрички лежат и смешно дергаются. Это не сравнить с «помпой», но вполне достаточно.

Хотя в парке всё просматривалось, но деревья и кустарники затрудняли обзор. Видны были только фигуры, а кому они принадлежали, Дип не всегда мог различить. Издалека, почти не целясь, он дострелял автоматный магазин.

«Спасибо и тебе, дружок, ты тоже меня не разочаровал на учебных стрельбах, а теперь на настоящей охоте».

Дип оставил в траве автомат и сдернул с плеча М-16. Теперь ничто не мешало принцу чувствовать себя не обвешанной игрушками ёлкой, а настоящим боевым стрелком.

Принц бросился в большую беседку в дальнем углу сада, сделав пару выстрелов на бегу. Кто-то охнул в беседке, а вскоре он увидел Пара – сына Гьяна и своего двоюродного брата, а рядом его мать Ком (пуля не смертельно ранила как раз её) и ещё нескольких женщин. Пар пригнул их к земле и перевернул садовый диван навстречу Дипу.

«Ничего себе прикрытие! Этот диван можно пробить даже из рогатки. А моя «рогатка» разнесёт его в клочья».

Принц вскинул винтовку, но стрелять сразу не стал. Может, сначала выманить их из укрытия, посмотреть, как эти вальяжные дамы ползают и верещат, а потом перещёлкать по одной? Или стрелять прямо через диван, окликающая спрятавшихся там и выпуская пули на звук ответного голоса, наверняка молящего о пощаде?

Пока Дип раздумывал, в голове что-то переменялось – такое бывает, когда резко просыпаешься от кошмарного сна. И показалось, что кто-то просит принца не убивать Пара. Кто? Никаких голосов не слышно. *Те* притаились за диваном, а возможно, и покинули беседку. Может, просили раньше? Не трогать Пара... И Гьяна... Но Гьяна нет на обеде. А его жену Ком? За неё вроде бы не просили. Но кто? И когда? Принцу показалось, что он сходит с ума, а происходящее вокруг – галлюцинация.

Волоча винтовку по земле, Дип пошёл назад, к дому. Внезапно услышал стон и увидел ползущего по земле Бира. Король был жив.

«Вот теперь пригодится и Colt. Чтобы добить тирана».

Дип вытащил из кобуры тяжёлый пистолет и нажал на спуск. Этот выстрел слился с другим. Почему, откуда? Одновременно с вопросом принц почувствовал жжение в области спины. Оглянувшись, он заметил в отдалении вооружённых людей. Охрана? И она посмела стрелять в него? Это невозможно! Или никто не стрелял, а он просто напоролся на ветку? Но когда чужой выстрел раздался вновь и спину опять обожгло, принц понял, что это не ветка, а кусок металла. Возможно, в него по касательной попала одна из выпущенных неизвестным стрелком пуль, а вторая вошла рикошетом, поскольку Дип не упал и мог без усилий двигаться. Принца взволновала не собственно стрельба, на которую можно и ответить, а нечто более глобальное: у спектакля с непредсказуемым началом наступает столь же непредсказуемый конец.

Мозг мгновенно начал продуцировать варианты финала. Его планировали убить? Но зачем ждали так долго? Могли бы прикончить после первых выстрелов, не дожидаясь, пока будут уничтожены другие члены семьи. Его выкрадут, спрячут в каком-нибудь тибетском монастыре и объявят, что он исчез? Дип не готов к затворничеству и лишениям. Его обвинят во всём и выставят на всеобщий позор? Это бесславное завершение блестящего пути, принц не хочет и не перенесёт позора. Во всех случаях «хороших» вариантов не прослеживалось, а наиболее вероятными виделись второй и третий.

Что-то не так. Да чего там – всё не так! Морок. Наркоз. Сумасшествие... С его стороны. А со стороны невидимых врагов, напротив, отлично разыгранное и абсолютно хладнокровное представление.

Дип часто рисковал. Всегда зная, что в любой, даже самой трудной ситуации есть выходы, причём, как правило, больше одного – надо только быстро соображать. Сейчас у принца не получалось найти больше одного выхода. Он поднялся на декоративный мостик через парковый ручей и с горькой усмешкой подумал, что не зря взял компактный Browning. Целиться не надо – в себя он не промахнётся.

Дип даже засмеялся: он не разочарует астрологов, предсказания которых хорошо знал. В отношении короля звёзды не обманули, а избежать вранья помог сам Дип. Но семья? Звёзды говорили, что она пострадает, если он женится раньше указанного срока. Он женился и таким поступком поддержал авторитет астрологов снова. Да-да, он сочетался браком с Деви тайно от родителей и об этом сказал матери полтора часа назад в их короткой беседе. Что ж, раз так...

Направленная в верхнюю часть лба пятиграммовая пуля вылетела из ствола и пробила кость. Но уже до того, как пуля проникла в мозг, многие сосуды и капилляры в голове пережили мощный спазм и лопнули. Произошли сотни и тысячи больших и маленьких кровоизлияний. От внутренней поверхности лобного бугра оторвались мелкие куски костного вещества. Они первыми прорвали паутинную оболочку мозга. Только потом, беспорядочно вращающимся куском горячего металла, вошла пуля.

При выстреле ствол пистолета увело вверх, и большая часть пороховых газов прокатилась вдоль крышки черепа, опалив волосы; вторая, меньшая часть, двинулась вниз, сожгла брови и ресницы, а кроме того, повредила роговицы глазных яблок. Но слёзные железы среагировали как обычно: выделили нужное количество влаги.

Атакованный мозг, разрушаемый и лишённый питания, тем не менее продолжал свою работу – приём сигналов из внешнего мира и выработку команд для тела. Главной командой стал сигнал тревоги, приводящий в действие чудесный и рационально необъяснимый механизм самосохранения. В краткий миг он изыскивает и вызывает к жизни все резервы, все запасы силы, дремлющие в каждом живом организме до той минуты, когда возникает угроза его гибели. В долю секунды оказались востребованы вся наличная воля и энергия. В таком состоянии – перед лицом опасности – человек способен одним рывком перепрыгнуть трёхметровую стену или часами висеть на карнизе, вцепившись ногтями в крошечный выступ. Лишь бы выжить. Лишь бы не смерть. Разум отправил команду о спасении. Дип остался жив...

На следующий день он был объявлен королём Непала.

* * *

Мы сидели с Петрусом в Тамеле, в Hard Rock Cafe, и прозаично пили привычный уже за много лет в Непале кукри-ром. Как и любой ром, его лучше мешать с колой либо другим похожим напитком, но, конечно, не с соком. Запивали этот ромовый коктейль кофе, или, наоборот, кофе запивали ромом – было уже не понять. Кстати, кофе тут хороший, поскольку в Непале и произрастает, отсюда известная цепочка «плантация – магазин» максимально короткая. А это всегда означает максималь-

но «длинную» гарантию качества. «Original coffee», как с гордостью рекламируют свой кофе непальцы. Под эти напитки неплохо шёл apple pie – яблочный пирог, десерт, «фирменность» которого непальцы приписывали себе.

После слоновой охоты, о которой уже рассказывалось, я осматривал маршруты на несложные горы в другом, далёком от парка Читван районе Непала, Лангтанге. Даже залез одним днём на пятидесятитысячник Chergo Ri, не таивший тех трудностей альпинизма, с которыми читатель уже знаком, но всё же требующий некоторой высотной подготовки. И вот вернулся обратно в Катманду. А Петрус и не вылезал из города, занимаясь непонятно чем. Я не очень врубался в его дела здесь и совсем не догадывался, по какому поводу он встречается с Дипом и другими членами королевского семейства, например, с братом короля Гьяном и его сыном Паром. Но, в принципе, мне было наплевать: у Петруса свои заботы, а у меня – свои.

Просто я остановился в отеле Malla, очень неплохом, расположенном в черте города, но отделённом от его грязи и смога высокими стенами и обширными зелёными лужайками, банановыми пальмами и другими прелестями тёплой страны. Название – претенциозное, как и всё в Непале, где самый скромный домишко на трекинговом маршруте может иметь вывеску «Lodgy Best View on Everest». Из Катманду восьмитысячный гигант точно не виден, равно как и другие престижные вершины, и отель назван Malla в честь одной из самых именитых королевских династий Непала. Оказалось, что Петрус тоже живёт в этой гостинице, и я встретил его за завтраком. Слово за слово, и голландец предложил прогуляться по Катманду днём, потом присесть где-нибудь за ланчем. Почему бы и нет? Я согласился. Так мы зашли в Hard Rock Cafe.

Я делился впечатлениями от Лангтанга, а Петрус слушал без особого интереса и кивал изредка головой. То есть между нами не происходило никакой серьёзной беседы – обычная необязывающая болтовня. В ресторане работал старый дрянной телевизор, шипящий, скрипящий, с трудом воспроизводящий малопонятные комментарии телеведущих. Разумеется, мы не смотрели телевизор, да и плохое звучание нас не слишком трогало, поскольку передачи шли на непальском языке. Но совсем не замечать экранные картинки не получалось. В какой-то момент показали королевский дворец, потом портреты членов семейства, а изображение Дипа – крупным планом. Почему портреты? Это несколько удивило, поскольку мы привыкли лицезреть небожителей «живьём». Потом мы увидели внутренний двор королевской резиденции – пространство, которое мне никогда не приходилось наблюдать даже по телевизору. Что-то во дворце было не так, беспорядок, что ли. Далее продемонстрировали лежащее на траве оружие, затем камера переместилась на улицы города, где на площадях собирались кучки людей... По картинкам, по тону диктора стало ясно, что произошло нечто особенное и, скорее всего, трагическое.

Мы обратились к бармену, который, как и все торгаши здесь, говорил по-английски. Английский у него был сносный, однако мы всё равно не очень понимали смысл сказанного. Бармен взволнованно сообщал о том, что у принца Дипа в руках стал непроизвольно стрелять автомат. Что есть жертвы среди королевской семьи. Что сам Дип тяжело ранен и находится в госпитале...

Реакция Петруса на эту информацию показалась мне странной. Это было не удивление, а, скорее, какое-то раздумье. Он ненадолго застыл, ушёл в себя. Потом «вернулся обратно», и мы, как и другие люди за столиками, начали обмениваться впечатлениями по поводу случившегося. Высказывания Петруса тоже были необычными: в них присутствовала расплывчатость, неопределённость, нежелание произнести самое важное.

В это время в кафе ворвались военные. Самое удивительное заключалось в том, что они сразу направились... Нет, я не так выразился: они рванулись, опрокидывая стулья, прямо к нашему столику. Один из них схватил Петруса за руку, тот вырвался, полез за своим иностранным паспортом, достал его и с громкими криками размахивал документом. Однако офицер выхватил паспорт и отбросил в сторону, а двое других военных заломили Петрусу руки и потащили к выходу.

Я резко вскочил, тоже закричал, что мы иностранцы, что такое поведение непозволительно; попытался встать на пути схвативших Петруса солдат и остановить их. Офицер отдал короткую команду. Свободный солдат сдёрнул винтовку с плеча, – у них на вооружении почему-то находятся длинные неуклюжие винтовки; они, скорее, подходят для стояния в почётном карауле, скажем, у ворот королевского дворца. Но в бою или при каком-то штурме, захвате такие винтовки неудобны. Солдат перехватил оружие левой рукой, развернул приклад в мою сторону и ударил меня по голове. Я потерял сознание.